Годъ тринадцатый. № 75. Воскресеніе, 5 апрѣля 1898 года. № 75. Годъ тринадцатый.

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Выходитъ въ Томскѣ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

Отдѣльные №№ 5 коп. ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ И ТИПОГРАФІИ № 5. Отдѣльные №№ 5 коп.

Редакція (Томскъ, Ямской пер., домъ Ф. Х. Шрейнеръ) принимаетъ рукописи и лично съ объявленіями открыта ежедневно кромѣ праздн. отъ 10 до 12 ч. дня и съ 5 до 7 ч. вечера. Рукописи должны быть переписаны съ полнымъ автографомъ и точно, если редакція оставляетъ за собой право сокращать и исправлять рукописи по своему усмотрѣнію. Статьи, корреспонденціи, замѣтки и пр., присланныя для напечатанія, считаются предназначенными, если о платѣ на нихъ не состоялось точнаго и опредѣленнаго соглашенія съ редакціей.

Невозвращеніе непечатанныхъ рукописей для авторовъ не обязательно.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: годъ 9 р.; полгода 4 р. 50 коп.; 3 м. 2 р. 25 к.; 1 мѣс. 75 к. съ доставкою и пересылкою.

ОБЪЯВЛЕНІЯ: каждая строка текста (шрифтъ—10 п.), повели—5 к. строка петита или занимающая ею мѣсто. При начальномъ торгово-промышленныхъ объявленіяхъ, болѣе чѣмъ 5 разъ, дѣлается съ этой цѣны скидка 10%, 25 разъ—20%, 50 разъ—30%, 75 разъ—30%, 100 разъ—40%, 150 разъ—50%; сопровождаемыя, не прилагая рукописей и печатаемыя по требованію корреспондентовъ на осн. 120 ст. уст. о пен. и печ.—1 руб. строка петита или занимающ. ею мѣсто. За рассылку объявленій при газетѣ взимаетъ не болѣе 1 лота выдавленъ—10 р. съ каждой тысячи; на объявленія, болѣе тяжелыя чѣмъ 1 лотъ, прибавляется къ 10 руб. по ¼ к. съ лота за каждый лишекъ. Пріемъ объявленій и подписки производятся въ Томскѣ—въ конторѣ редакціи ежедневно, кромѣ дней праздниковъ, а также въ Москвѣ и Петербургѣ у Л. Э. Метцль и К°.

Объявленія отъ лицъ, фирмъ и учрежденій, живущихъ или имѣющихъ главные конторы или правленія внѣ Пермской губерніи и Сибири, принимаются въ Москвѣ въ отдѣленіи редакціонной конторы—Варшавскій переулокъ, д. Рябушинскаго, кв. № 10 а также въ центральной конторѣ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцль и К°, Мясницкая домъ Сытина, и въ его отдѣленіи въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 11 и печатаются по 15 коп. за строку петита позади текста, а на первой страницѣ цѣна двойная.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мѣсяцесловъ. Телеграммы.
Томскъ 5 апрѣля. Пасха въ старой Сибири.
Стихотвореніе. Вашингтонъ.
Пасхальная хроника.
Страничка изъ жизни одного.
Пасхальныя обряды, обычаи и повѣрья.
Объявленія.
Фельетонъ: 1) Въ эту ночь и 2) Воскресеніе Жвачкина.

Слѣдующій № „Сиб. Вѣстн." выйдетъ 9 апрѣля.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ.

Воскресенье 5 апрѣля.

Пасха Христова.

Мучч. Агаѳонода и Ѳеодула. Преп. Симеона.

Телеграммы

„РОССІЙСКАГО ТЕЛЕГРАФНАГО АГЕНТСТВА".

2 (14) апрѣля.

Петербургъ. 1 апрѣля Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна въ первый разъ послѣ болѣзни выѣхала изъ Зимняго дворца. Государь и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна посѣтили Петропавловскій Соборъ, гдѣ молились у гробницы Императора Александра III.

— Государь повелѣлъ пріобрѣсти отъ завода Harkess въ Мильборо пароходъ для нуждъ гидрографической экспедиціи Сѣвернаго ледовитаго океана, наименовать его „Пахтусовъ" и числить въ спискахъ судовъ флота. Пароходъ „Пахтусовъ" зачисленъ въ 3-й флотскій экипажъ.

— Рѣшено приступить къ постройкѣ трехъ броненосцевъ въ 12,675 тоннъ водоизмѣщенія, по типу строющихся уже „Пересвѣтъ" и „Ослябя". Сооруженіе одного новаго броненосца съ механизмами будетъ поручено Балтійскому заводу; остальные два предположено построить въ Петербургскомъ адмиралтействѣ.

— Государыня Марія Ѳеодоровна изволила отбыть изъ Копенгагена въ Петербургъ.

Парижъ. Совѣтъ министровъ. Ганото сообщилъ, что на требованіе Франціи Китай отвѣтилъ полнымъ согласіемъ. Китай принялъ на себя передъ Франціей обязательство не уступать Ханнана никакой державѣ.

— По извѣстіямъ газеты „Matin", экспедиція Маршана потерпѣла неудачу, Маршанъ, покинутый спутниками, направляется почти одинъ къ берегамъ Нила въ Ольдъ-Пойнтъ-Комфортъ, въ Виргиніи.

— 1 апрѣля въ 2 часа пополудни летучая эскадра ушла въ южномъ направленіи съ приказомъ въ запечатанныхъ конвертахъ.

— Морской департаментъ рѣшилъ пріобрѣсти два парохода.

Вашингтонъ. Официально летучей эскадрѣ приказано произвести 48-часовые маневры.

— Сенатъ, Девисъ вноситъ докладъ, принятый большинствомъ коммиссіи; докладъ гласитъ: въ виду того, что положеніе на Кубѣ, которое длится три года и привело въ заключеніе къ гибели „Maine", не можетъ быть болѣе терпимо. Палатѣ предлагается постановить слѣдующее: народъ Кубы по праву долженъ быть свободенъ и независимъ, Соединенные Штаты обязаны этого потребовать отъ Испаніи, и правительство, на этомъ основаніи, требуетъ, чтобы Испанія тотчасъ же отказалась отъ верховныхъ правъ на Кубу и немедленно удалила свои войска съ острова. Президенту дается полномочіе и предложеніе употребить всѣ американскія военныя силы для приведенія въ исполненіе этихъ резолюцій. Сенатъ не приметъ сегодня никакого рѣшенія. Консервативные сенаторы требуютъ осторочки.

— Докладъ большинства коммиссіи палаты предоставителей согласенъ въ общихъ чертахъ съ докладомъ коммиссіи сената; докладъ меньшинства высказывается, кромѣ того, за признаніе независимости кубинской республики, которая должна получить поддержку со стороны морскихъ и сухопутныхъ силъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Палата представителей 191 голос. противъ 150, отвергла докладъ меньшинства своей коммиссіи по иностраннымъ дѣламъ. Сенатъ разошелся, не принявъ рѣшенія.

— По извѣстіямъ газеты „Matin", экспедиція Маршана потерпѣла неудачу, Маршанъ, покинутый спутниками, направляется почти одинъ къ берегамъ Нила въ Ольдъ-Пойнтъ-Комфортъ, въ Виргиніи.

— 1 апрѣля въ 2 часа пополудни летучая эскадра ушла въ южномъ направленіи съ приказомъ въ запечатанныхъ конвертахъ.

— Морской департаментъ рѣшилъ пріобрѣсти два парохода.

Вашингтонъ. Официально летучей эскадрѣ приказано произвести 48-часовые маневры.

— Сенатъ, Девисъ вноситъ докладъ, принятый большинствомъ коммиссіи; докладъ гласитъ: въ виду того, что положеніе на Кубѣ, которое длится три года и привело въ заключеніе къ гибели „Maine", не можетъ быть болѣе терпимо. Палатѣ предлагается постановить слѣдующее: народъ Кубы по праву долженъ быть свободенъ и независимъ, Соединенные Штаты обязаны этого потребовать отъ Испаніи, и правительство, на этомъ основаніи, требуетъ, чтобы Испанія тотчасъ же отказалась отъ верховныхъ правъ на Кубу и немедленно удалила свои войска съ острова. Президенту дается полномочіе и предложеніе употребить всѣ американскія военныя силы для приведенія въ исполненіе этихъ резолюцій. Сенатъ не приметъ сегодня никакого рѣшенія. Консервативные сенаторы требуютъ осторочки.

— Докладъ большинства коммиссіи палаты предоставителей согласенъ въ общихъ чертахъ съ докладомъ коммиссіи сената; докладъ меньшинства высказывается, кромѣ того, за признаніе независимости кубинской республики, которая должна получить поддержку со стороны морскихъ и сухопутныхъ силъ Соединенныхъ Штатовъ.

Томскъ, 5 апрѣля.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Христосъ Воскресе! Въ волнахъ колоколъ-наго звона разносятся по всей Руси эти святыя, полныя великаго смысла слова, возвѣщающія торжество свѣта надъ мракомъ, и всюду, изъ палатъ богачей и жалкой хижины бѣдняка слышится на встрѣчу имъ радостное: „во истину воскресъ". Подъ вліяніемъ этихъ чудныхъ словъ, огромная человѣческая семья сплачивается тѣснѣе, разрозненные и ожесточенные суровой борьбою за существованіе люди пристальнѣй глядятъ другъ на друга, братеніе поцѣлуи становятся болѣе искренними, рукопожатія болѣе теплыми. Вся земля на короткое время какъ будто преображается и озаряется свѣтомъ, который почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ вознесъ Великій Учитель. Великій день Свѣтлаго Христова Воскресенія является все еще самымъ свѣтлымъ днемъ въ жизни человѣчества и такимъ онъ останется до конца.

При видѣ успѣховъ, которые дѣлаютъ мракъ и зло въ нашемъ мірѣ, нѣкоторые говорятъ, что христіанство съ каждымъ годомъ, съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе и болѣе падаетъ, что человѣчество все дальше и дальше уходитъ отъ великихъ идеаловъ, завѣщанныхъ Богомъ-Учителемъ и что какая-то новая вѣра должна явиться на смѣну отжившей и устарѣлой. Правда ли это, и тоже ли въ дѣйствительности мы видимъ? Не говоря о нашемъ обширномъ отечествѣ, въ которомъ вѣра отцовъ остается нисколько не поколебленной и все еще чистой и не запятнанной—доказательствомъ чего является постоянное многолюдство въ нашихъ храмахъ и постоянное умноженіе этихъ храмовъ, посмотримъ—что дѣлается на Западѣ. Въ большихъ культурныхъ центрахъ мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ здѣсь что-то странное, какіе то новые храмы, какіе то культы, какіхъ то новыхъ жрецовъ. Но стоитъ только заглянуть въ эти храмы, посмотрѣть на собирающуюся въ нихъ публику и послушать этихъ жрецовъ—какъ всякое опасеніе за истинную вѣру въ насъ исчезнетъ, потому что мы видимъ здѣсь лишь выродковъ разнрата, людей пресыщенныхъ пороками и самой жизнью приговоренныхъ къ смерти и вырожденію. Распространеніе новыхъ культовъ вродѣ культа сатаны „великаго ничто" и смерти можетъ быть опасно лишь больницамъ для умалишенныхъ, которыя могутъ оказаться тѣсными. Масса народа вездѣ остается нетронутой заразою и всюду вѣритъ, страдаетъ и надѣется по прежнему. Самые позитивные по своему характеру народы, преимущественно англо-саксонской расы, и тѣ не утратили своей вѣры. Наоборотъ, религіозная сторона жизни у англичанъ и американцевъ развивается и процвѣтаетъ болѣе чѣмъ гдѣ либо. Нѣтъ, такимъ образомъ, ни малѣйшаго основанія говорить о паденіи христіанства.

Если же человѣчество до сихъ поръ вполнѣ не восприняло Великое Ученіе и не достигло еще святыхъ идеаловъ, то нельзя на основаніи одного этого и говорить, что человѣчество въ нравственномъ отношеніи ушло назадъ. Нравственный прогрессъ идетъ очень медленно, но онъ, все таки, подвигается впередъ. Развѣ въ наше время религіозная война не прекратилась совершенно, развѣ тихая мирная работа народовъ не стала дружнѣе, сознаніе братства не увеличилось, помощь ближнему не стала замѣтнѣе и разумнѣе? Нравственные успѣхи, какъ они не далеки еще отъ идеаловъ, все таки, слишкомъ замѣтны, чтобы ихъ можно было оспаривать.

И неустанная работа свѣтелей свѣта продолжается. Повсюду нарождаются разныя этическія общества, всюду слышится проповѣдь братства и любви, всюду мирные культурные работники дѣлаютъ свое дѣло...

На послѣднемъ религіозномъ конгрессѣ въ Америкѣ наблюдалось нѣчто до сихъ поръ невиданное и неслыханное. Представители разныхъ народовъ, до сихъ поръ самыхъ враждебныхъ другъ другу, слуги Магомета, Будды, Конфуція, Іеговы и Христа собратись въ одномъ зданіи и мирно обсуждали вопросы о распространеніи вѣры въ Бога Единаго...

Это мирное единеніе разныхъ слугъ Божьихъ, немыслимое въ прежнее время, развѣ не является лучшимъ предзнаменованіемъ для будущаго, для того свѣтлаго дня, когда великій свѣтъ воззрется по всей землѣ и всѣ народы, протянувъ другъ другу объятія, дружнымъ хоромъ запоютъ побѣдное „Христосъ Воскресе"!

Пасха въ старой Сибири.

Почти девятнадцать вѣковъ изъ года въ годъ празднуютъ христіане, безъ различія вѣроисповѣданій, сектъ и толковъ, ту святую, торжественную пасху, въ которую возсталъ изъ гроба Сынъ Божій. Съ первыхъ вѣковъ христіанства русскій народъ особо чтитъ и торжественно празднуетъ Пасху. Но въ настоящее время этотъ великій праздникъ торжества христіанства, какъ, впрочемъ, и всѣ прочіе русскіе праздники, далеко уже не сохранилъ тѣхъ отличительныхъ особенностей, какія бывали въ старину. Много такихъ особенностей праздновданія „праздника изъ праздниковъ" было и въ Сибири старыхъ временъ.

Особенно торжественно праздновался праздникъ Пасхи въ Тобольскѣ, долгое время служившемъ церковнымъ центромъ нашей окраины. Уже подготовительная Пасхѣ недѣля начиналась особымъ церковнымъ обрядомъ, называвшемся „шествіемъ на ослятѣ" и кромѣ Тобольска нигдѣ въ мѣстѣ лишь въ Москвѣ, гдѣ обрядъ этотъ совершался патріархомъ въ присутствіи царя.

Въ Тобольскѣ этотъ оригинальный церковный обрядъ начиналъ совершаться со времени возвышенія сибирской епархіи на степень митрополіи, т. е. 1669 года. Происходилъ онъ слѣдующимъ образомъ. Утромъ въ Вербное воскресеніе, послѣ благовѣста, сборъ народа и обрядъ выхода изъ церковъ главнаго Сибирскаго воеводы съ прочими высшими чинами, владыко митрополитъ въ полномъ облаченіи, со всѣмъ духовенствомъ, пѣвчими, иконами и крестами выходилъ изъ собора и на особо устроенномъ на открытомъ воздухѣ амвонѣ освящалъ по церковному чиноположенію вербу, раздавалъ ее духовенству и почетнѣйшимъ изъ мирянъ, при громогласномъ чтеніи протодіакономъ евангелія о торжественномъ входѣ Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Затѣмъ митрополитъ садился на богато убраннаго коня (ословъ въ Тобольскѣ въ то время не было) и отправлялся съ крестнымъ ходомъ по улицамъ

ФЕЛЬЕТОНЪ „СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА".

Въ эту ночь.

День неслышно угасъ, и съ надзвѣздныхъ высотъ
Къ намъ пасхальная ночь, торжествуя, идетъ.
Разливаясь, несется ликующій звонъ:
И гудитъ, и летитъ по окрестностямъ онъ.
Лишь въ душѣ тишина..... Чу какъ-будто въ тиши
Слышенъ голосъ отъ сна пробужденной души:
„Не за то, что Ты, грозный, сверкаешь изъ тучъ,
„Не за то, что великъ, не за то, что могучъ,
„Но за то, что такъ много любилъ и страдалъ,—
„Ты, о Боже,—святой для меня идеалъ!
„За страданья Твои воззываютъ я Тебя,
„И—страдая молюсь, и—страдаю любя.
„И въ пасхальную ночь, въ эту дивную ночь
„Обѣяньe Твое не могу превозмочь:
„Вѣра юныхъ годовъ просыпается вновь,
„И я жажду страданій, и вѣрю и любовь,
„И готовы всю жизнь славословить уста
„И величье любви, и величье креста!

Иванъ Сѣверный.

Воскресеніе Жвачкина.

(Пасхальная быль).

Петръ Ивановичъ Жвачкинъ принадлежалъ къ типу тѣхъ чиновниковъ, для которыхъ служба составляетъ все, т. е. вмѣщаетъ въ себѣ весь земной міръ съ его суровою борьбою за существованіе, мелкими и великими интересами, недосягаемыми идеалами и добрыми и злыми божествами. Все что выходило изъ предѣловъ маленькаго чиновничьяго міра, помѣщавшагося въ громадномъ каменномъ зданіи и находившагося подъ управленіемъ громовержца—дѣйствительнаго статскаго совѣтника Перунова, казалось Жвачкину такимъ мизернымъ, неинтересньмъ, что онъ объ этомъ рѣдко даже когда и думалъ. Все его вниманіе, всѣ мысли, всѣ чувты были сосредоточены и вращались въ одной службѣ—приказахъ, циркулярахъ, повышеніяхъ, наградахъ и разныхъ злобахъ дня монотонной чиновничьей жизни. И надо отдать справедливость Жвачкину—никто лучше его не зналъ исторіи всевозможныхъ чиновничьихъ событій. Онъ всегда замѣчательно вѣрно и правдиво объяснялъ, почему не явился на службу писецъ Запиваловъ, отчего сегодня такая сонная рожа у столоначальника Кутилкина, вслѣдствіе чего у начальника отдѣленія былъ въ послѣдній разъ такой убитый видъ и прочъ.

— Запиваловъ крестины празднуетъ. Корова у него отелилась, а нашему начальнику отдѣленія жена рожки наставила. Вотъ и вся штука капитана Кука!—пояснялъ онъ обыкновенно всякому любопытному, улыбаясь при этомъ всѣмъ своимъ круглымъ лицомъ до самихъ ушей. И до такой степени безграничнобыло всезнайство Жвачкина, что онъ зналъ даже тайны Олимпа и всегда могъ сказать, въ какомъ настроеніи находится самъ Тучегонитель. Этимъ онъ оказывалъ иногда неоцѣнныя услуги Запивалову, когда тотъ являлся на службу съ похмельи и даже самому Кутилкину, который неизмѣнно каждое утро справлялся у него о погодѣ на Олимпѣ для доклада объ этомъ начальнику отдѣленія.

Когда на Олимпѣ, согласно бюллетеню Жвачкина, все было спокойно и сонистіе Громовержца ожидалось тихое и мирное, безъ громовыхъ раскатовъ и метанія молній, Жвачкинъ уже съ утра сидѣлъ радостный и сіяющій, какъ носъ у Запивалова, который неизмѣнно блестѣлъ всѣми цвѣтами радуги. Онъ весело разсказывалъ кружку любопытныхъ слушателей событія вчерашняго дня, совершившіяся въ жизни Марты-нова, Петрова, Кедрина и др. и какъ-то особенно радостно раздавалось его обычное: „вотъ штука капитана Кука!"

Но когда на Олимпѣ было неспокойно, когда курьеръ Перунова,—замѣтимъ въ скобкахъ,—кукъ и закадычный другъ Жвачкина и въ тоже время крестный сматлиной Маши, горничной его превосходительства, появлялся въ сѣняхъ управленія съ какимъ то особенно торжественнымъ видомъ, и когда самъ Тучегонитель дѣйствительно лѣвой ногой вставалъ съ постели (примѣта, какъ извѣстно, очень скверная),—нужно было видѣть какъ преображался Жвачкинъ. Онъ сидѣлъ словно пригвожденный къ своему стулу, разговаривалъ неохотно и только многозначительно поглядывалъ на чиновниковъ, которые, ничего не подозрѣвая и не подозрѣвшись распросить о самомъ важномъ, легкомысленно болтали другъ съ другомъ. Но зловѣщія предсказанія постепенно переносились изъ одного отдѣленія въ другое, подобно чернымъ воронамъ перелетали изъ одного этажа въ другой, и тогда даже съ самыхъ безхлопотныхъ лицъ слетала улыбка и во всемъ управленіи водворялась такая гробовая тишина, что въ первомъ отдѣленіи слышно было какъ чихалъ начальникъ этаго отдѣленія. Носъ у Запивалова пріобрѣтавъ тогда лиловый оттѣнокъ, приближающихся грозовыхъ тучъ а голосъ Болтуна Мартынова съ обыкновеннаго басоваго forte спускался до чуть слышнаго тенороваго pianissimo.

Такъ проходили дни за днями и годы за годами въ маленькомъ мірѣ, управляемомъ мудрымъ и грознымъ Перуновымъ. Многихъ сразили молніи Тучегонителя и многихъ подняла его могучая длань до самыхъ облаковъ Олимпа, гдѣ властвовала величавая и великолѣпная Наталія Владиміровна, супруга Перунова, настоящая владычица всѣхъ тучъ и молній. Но Жвачкинъ, Запиваловъ, Кутилкинъ и даже великомудрый Петровъ, цитировившій Гомера и Горація и прославившійся какъ литераторъ одной замѣтною, напечатанной въ мѣстномъ Листкѣ, въ которой онъ описалъ съ замѣчательнымъ знаніемъ дѣла безпорядки и развратъ въ нѣкоторыхъ пивныхъ города N, сидѣли подобно безсмертнымъ на своихъ мѣстахъ. Тучегонитель не повышалъ и не понижалъ ихъ.

Но вотъ наступила страстная седмица 189* года. Перуновъ всегда еще въ началѣ поста обращался къ подчиненнымъ съ приглашеніемъ исполнять свой долгъ передъ церковью и очиститься отъ грѣховъ вольныхъ и невольныхъ. Но самъ онъ обыкновенно говѣлъ на страстной недѣлѣ, а по примѣру его и почти всѣ служащіе, за исключеніемъ лишь Запивалова, Кедрина и Гвоздикина, которые начинали говѣть сейчасъ же по появленіи циркуляра съ небольшими перерывами очищались отъ грѣховъ до самаго Свѣтлаго Воскресенія, когда они разговлялись уже какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ питейнаго искусства.

Страстная недѣля, какъ извѣстно, у чиновниковъ полна страстей. Въ первые дни ея обыкновенно сердца служилыхъ людей преисполнены тревожными ожиданіями, какія ничи, иными словами, какую награду подесетъ имъ начальство за неусыпные труды на пользу отечества. Понятно, что и всѣ чины N-скаго управленія не оставались равнодушными въ виду будущихъ наградъ. Строились всевозможныя предположенія, составлялись примѣрныя смѣты, въ которыхъ по пунктамъ назначались ассигнованія на поросенка, гуся, бутыль очищенной и т. д. до коробки вакцы включительно. Даже Запиваловъ въ эти дни вытрезвѣлся окончательно и начиналъ что-то тщательно высчитывать на ключѣ бумажки, которую онъ показывалъ только своему пріятелю Гвоздикину. Жвачкинъ же мечтался и безпокоился больше всѣхъ не потому чтобы онъ слишкомъ много думалъ о себѣ, т. е. жадничалъ, а просто потому, что онъ очень близко принималъ интересы всѣхъ безъ исключенія служащихъ, и сумма ожидаемыхъ наградныхъ для Кедрина, Мартынова, Гвоздикина волновали его неменьше чѣмъ и ожидаемая имъ лично награда.

Но въ этотъ годъ случилось нѣчто необыкновенное, непредвидѣнное и необъяснимое. Въ страстную среду Тучегонитель прибылъ въ управленіе очень рано, до обѣдни, когда тамъ въ чиновниковъ еще никого не было, за исключеніемъ одного лишь Жвачкина, который всегда являлся на службу первымъ. Перуновъ въ сопровожденіи двухъ сторожей, почтительно шествовавшихъ за нимъ, быстро прошелъ черезъ пустынное первое отдѣленіе, второе, третье и вдругъ появился въ четвертомъ, гдѣ, ничего не подозрѣвая, сидѣлъ Жвачкинъ и перебиралъ изъ простого любопытства на столѣ Кутилкина какія-то бумаги.

Услышавъ шаги, Жвачкинъ, предполагая увидѣть простыхъ смертныхъ сослуживцевъ, съ улыбкой поднялъ голову и вдругъ передъ глазами его предстала величественная фигура самого безсмертнаго олимпійца во всемъ блескѣ его нестерпимаго для обыкновенныхъ человѣческихъ глазъ величія. Жвачкинъ окаменѣлъ. Улыбка застыла на лицѣ его, а глаза, глаза полные страха, удивленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой то безпокойности и мольбы о пощадѣ такъ и впились въ очи повелителя. Такъ застигнутая въ вразплохъ птичка смотритъ вся оцѣпенѣвъ, въ страшные зрачки змѣи и забываетъ что у нея есть крылья, съ помощью которыхъ она могла бы въ мгновеніе ока избавиться отъ ужаснаго врага.

Подъ вліяніемъ этого взора остановился и Перуновъ. Олимпійца, можетъ быть, удивило впечатлѣніе, которое произвело неожиданное появленіе его на бѣднаго подчиненнаго, а можетъ быть его остановило и что нибудь другое—неизвѣстно. Но только фактъ тотъ, что Перуновъ впервые увидѣлъ передъ собою въ двухъ шагахъ перепуганнаго Жвачкина.

— Ваша фамилія Запиваловъ, кажется! пробасилъ вдругъ Перуновъ, выпаливъ первую пришедшую ему на память фамилію изъ многочисленнаго штата его подчиненныхъ.

— Я в... в— ваше ж-ж-ж не за-пилъ.... Какимъ-то глухимъ, надорваннымъ голосомъ еле вымолвилъ Жвачкинъ.

— Ихъ фамилія, ваше превосходительство, Жвачкинъ, почтительно произнесъ одинъ изъ сторожей.

— А-а, знаю! Какъ будто припомнилъ Перуновъ, хотя въ дѣйствительности слышалъ эту фамилію впервые.

— Давно служите?

— Три.... триста.... тридцать лѣтъ ваше пиппр...

города. Во все время хода, конь подъ митрополетомъ водилъ въ поломъ парадномъ одѣяніи самъ воевода Тобольскій, а владыка митрополитъ, осѣняя народъ крестомъ, находившимся у него въ правой рукѣ, лѣвою поддерживалъ евангеліе, лежавшее у него на колѣнахъ. Нѣчто-же в все сопровождавшее духовенство пѣли въ это время различныя случаю церковныя пѣснопѣнія. Объѣхавъ городъ, митрополитъ со всѣми чинами и народомъ возвращался въ соборъ, переоблачался и совершалъ литургію. Впрочемъ эта духовная церемонія существовала въ Тобольскѣ очень недолго: она была отменена въ 1678 году патріархомъ московскимъ Іоакимомъ.

Встрѣча самаго праздника Воскресенія Господня въ старомъ Тобольскѣ происходила при чрезвычайно торжественной обстановкѣ, особенно во время губернаторства въ Сибири Дениса Ивановича Чичерина, любившаго вообще пышность, великолѣпіе и роскошь. Еще задолго до полуночи тобольскіе храмы начинали освѣщаться тысячами фонариковъ и плошекъ. Высокая, стройная колокольня Софійскаго собора, расположенная на высокой горѣ и нарицая надъ всѣмъ Тобольскомъ, по словамъ тобольскихъ лѣтописцевъ, представляла любопытный видъ. Ровно въ 12 часовъ торжественный гулъ тысячепудоваго колокола возвѣщалъ населенію о наступленіи праздника. Въ соборѣ—въ это время уже всѣ высокіе власти горожа и почетные гражданіе. Всякраз объявлялъ и торжественный входъ въ церковь Сибирскаго губернатора. Денисъ Ивановичъ Чичеринъ не упускалъ случая показать себя народу. Надѣвъ на себя мантію ордена св. Александра Невскаго, онъ въ этомъ одѣяніи, сопутствуемый высшими приближенными къ нему военными и гражданскими чинами шествовалъ въ соборъ. Тотчасъ по его прибытіи начинался крестный ходъ, по входѣ котораго обратно въ соборъ, когда раздавались торжественные звуки пѣсни „Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ" — Тобольскій отгашался пушечной пальбой съ кремля.

По окончаніи пасхальной литургіи, губернаторъ въ своемъ дворцѣ принималъ поздравленія, принесмъ воспитанники семинаріи, единственнаго въ то время учебнаго заведенія въ Тобольскѣ, говорили Чичерину, въ присутствіи собравшихся чиновниковъ и прочихъ лицъ, рѣчи и стихи на русскомъ и латинскомъ языкахъ.

Съ пасхальной недѣли начинались при Чичеринѣ военныя „зори". Вечеромъ, на высу горы, гдѣ находится губернаторскій дворецъ, ставилось войско и музыканты. Когда, послѣ отбоя барабана, все затихало, по городу начинаялось раздаваться пересвистъ пѣнцъ, съ аккомпаниментомъ кларнетовъ и скрипокъ. Чичеринъ, человѣкъ очень набожный, всегда присутствовалъ на этихъ зорняхъ.

На пасхальной же недѣлѣ жители стараго Тобольска часто могли видѣть различныя „коведіи", представленія религіознаго характера, совершаемыя учениками Славяно-русской школы, а затѣмъ семинаріи. Представленія эти были введены впервые въ началѣ прошлаго столѣтія митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ Филофеемъ Лещинскимъ, страстнымъ любителемъ живыхъ образныхъ представленій религіознаго характера. Сцена для такихъ представленій устраивалась почти возлѣ самаго архіерейскаго дома, между холодными соборомъ и св. Сергіевскою, нынѣ уже несуществующею, церковкою. На такія представленія собиралось обыкновенно множество народа.

Въ остальныхъ городахъ и всѣхъ обширной Сибири Пасха встрѣчалась и проводилась, конечно, далеко не такъ торжественно, какъ въ Тобольскѣ, играющемъ роль „столицы города". Отличительною чертою Пасхальной ночи, кромѣ обрядовъ чисто религіознаго характера, была пушечная пальба, любимая забава сибиряковъ на Пасхѣ, остатокъ, вѣроятно, далекихъ временъ казачества и покоренія Сибири.

Обыкновенно пушки, въ большинствѣ случаевъ старыя, не могущія уже выдерживать стрѣльбы даже холостыми зарядами, помѣщали или около церкви, или на перковныхъ колокольняхъ. Несчастія были не рѣдки. Въ Сибири извѣстно нѣсколько десятковъ несчастныхъ случаевъ при пасхальной стрѣльбѣ изъ пушекъ, да сколько такихъ случаевъ осталось неизвѣстными Въ г. Каргатскомъ, въ 1841 г., былъ выдающійся несчастный случай въ этомъ родѣ. Одинъ извѣстный торговецъ привезъ откуда-то старинную заряжавленную пушку. Отставной солдатъ взялся производить стрѣльбу изъ нея, но произвелъ столь неудачно, что самъ былъ убитъ наповалъ, разорвавшейся пушкой, и шесть мальчугановъ-звонарь получили болѣе и менѣе серьезныя увѣчья. Въ началѣ 50-хъ годовъ выгорѣла половина села Меньшиковскаго, Каинскаго округа, благодаря тому, что пьяжъ ваз пушки попалъ на открытый сѣновалъ, при домѣ священника. Къ счастію, нынѣ безразсудный обычай выраженія радости пушечной пальбой прекратилъ, кажется, свое существованіе, благодаря административнымъ мѣрамъ.

Колокольный звонъ составляетъ отличительную черту пасхальной недѣли. Въ теченіе ея церковную колокольню допускается всякій. Въ старое время находилось настоящіе виртуозы звона. Передаютъ, что въ г. Тарѣ былъ старикъ-пономарь, который во время пасхальной недѣли точно воспроизводилъ на колоколахъ мотивы пасхальныхъ пѣснопѣній. Въ настоящее время о такихъ колокольныхъ виртуозахъ не слышно и только ребятишки терзаютъ слухъ обывателей безалабернымъ трезвономъ.

Какъ проводитъ народъ пасхальную недѣлю? Если теперь всякій праздникъ, а тѣмъ болѣе такой большой праздникъ, какъ Пасха—время особо усиленнаго пьянства, то въ старой Сибири пьянство это было еще больше. По крайней мѣрѣ нѣкоторые путешественники специально говорятъ о пасхальномъ пьянствѣ. Такъ, Гмелинъ говоритъ по этому поводу относительно Томска. Но его словамъ, „можно было подумать, что вышелъ приказъ, чтобы каждый въ эти дни пьянствовалъ—такъ ревностно каждое исполняли напитьеся. Дни было недостаточно—и ночи проводили въ пьянствѣ, и пьяны, и безумствовали. Но на этомъ не кончалось. Шумъ продолжался цѣлыхъ восемь дней; въ теченіе этого времени нечего было и думать достать рабочаго. Пяли постоянно и не было конца разврату"... Впрочемъ, ни одинъ Гмелинъ свидѣтельствуетъ о праздничномъ и въ частности о пасхальномъ пьянствѣ, о немъ-же говоритъ дѣбатъ Шапиръ д' Отерошъ, Белькуртъ и другіе путешественники по Сибири.

Съ праздникомъ Пасхи въ старой Сибири былъ связанъ цѣлый рядъ пріятѣъ, повѣрій и пр. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ доселѣ, а въ старину соблюдался неукоснительно, слѣдующій обычай, занесенный, кажется, изъ Малороссіи. Считалось необходимымъ сходить къ пасхальной заутрени, тѣхъ же, кто просыпалъ богослуженіе, обливали водой или даже купали въ рѣкахъ и озерахъ. По поводу этого обычая, особенно вредного для Сибири, гдѣ во время Пасхи часто стоятъ еще значительные холода, сохранился даже указъ сената отъ 17 апрѣля 1721 г., въ которомъ, между прочимъ, говорилось, что „во многихъ городахъ и весяхъ" происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство: во всю свѣтлую седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у утрени, таковаго, аки-бы штрафуя, обливаютъ водою и въ рѣкахъ, и въ прудахъ купаютъ, и хотя простой народъ дѣлаетъ себѣ будто за забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы бываетъ не токмо здраво, но и животу человѣческому нагуба, ибо оными отъ невѣждъ купаніемъ въ глубинахъ иногда людей потопляютъ или разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ внезапно обливаніемъ ума лишаютъ"... Но народныхъ обычаевъ никакими сенатскими указами не уничтожишь и обычай пасхальнаго купанія благополучно сохранился и до его времени.

Почти повсемѣстно въ Сибири распространено поверье, что всѣ умирающіе въ теченіи свѣтлой недѣли непремѣнно достигнутъ рая. Въ Минусинскомъ округѣ, а частію и въ селеніяхъ Томскаго Алтая распространенъ обычай при первомъ ударѣ колокола къ Христовской заутрени садить насѣдку на яйца: это-де обезпечиваетъ разводку цыплятъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашей окраины принято умываться при первомъ же ударѣ колокола, такъ какъ существуетъ примѣта, что умывшійся такимъ образомъ не заболѣетъ въ теченіе года.

Много существуетъ на нашей окраинѣ и другихъ пасхальныхъ примѣтъ и обычаевъ, но они уже сходны съ таковыми-же обычаями, существующими по всей обширной Руси.....

* * *

Христосъ воскресъ! Но—мало свѣта
И тьма, по прежнему, сильна,
И гибнутъ въ дебряхъ безъ просвѣта
Идеи честной сѣмена...

* * *

Порокъ, алкуя, горло знамя
Свое надъ міромъ подрузнулъ,
И не возжечь святое пламя
Среди безлюдья и могилъ...

* * *

Боецъ сложилъ давно доспѣхи,
Замолкла лира у пѣвца;
Толпа вѣнчаетъ безъ помѣхи,
Порой, и плута, и глупца.

* * *

Прикрывшись маской фарисея,
Грозящъ мы съ простью разврать;
Въ душѣ-жъ любовь къ нему лелѣя,
Не ставимъ для него преградъ.

* * *

И—малодушны, какъ Пилаты,—
Готовы истину распять,
Мы, слабосильные кастраты,
Сплетаясь въ роковую рать...

. . . . . .

* * *

Христосъ воскресъ! Безмолвно слово...
Запущенъ храмъ, разбитъ кумиръ,
И не пророка гласъ суровый
Разбудитъ одряхлѣвшій міръ!

Всеволодъ Сибирскій.

Визитеръ.

Свѣтлое Христово Воскресеніе. Первый день. Солнышко поднялось уже довольно высоко и радостнымъ свѣтомъ своимъ ярко обливаетъ стройныя колокольни городскихъ церквей, съ вышины которыхъ, не умолкая въ теченіи цѣлаго дня, раздается далеко и гулко разнообразный торжественный звонъ. Улицы города съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе наполняются нарядными пѣшеходами. Тысячные рысаки мѣстныхъ тузовъ, едва сдерживаемые толстыми бородатыми кучерами, нетерпѣливо бьютъ копытами у подъѣздовъ богатыхъ домовъ и вибрагиваютъ своими красивыми мускулами. Кареты и другіе экипажи самыхъ разнообразныхъ формъ мчатся изъ конца въ конецъ, повачиваясь слегка на своихъ упругихъ и неупругихъ рессорахъ. Это еще съ девяти часовъ православные, скромненько разговѣвшись, приступили къ исполненію тяжелаго обряда визитовъ.

Съ озабоченнымъ и серьезнымъ видомъ разъѣзжаютъ дѣловые люди изъ дома въ домъ, въ поломъ нарядѣ, съ увѣренностью, а во всякомъ случаѣ, съ радостною затаенною мыслью, что хозяевъ дома не застанутъ, или тѣ еще спятъ.

Былъ уже двѣнадцатый часъ, когда къ крыльцу квартиры Сергѣя Сергѣевича Палочкина приличный извощикъ подалъ чистенькую рессорную пролетку, запряженную сытою пѣгою лошадкою. Все обстояло благополучно: упряжь блестѣла и переливала на солнцѣ своими многочисленными металлическими щеточками, перчатки были бѣлы, какъ снѣгъ, № 000 солидно сидѣлъ на загривкѣ, разные фартуки и чехлы на пролеткѣ и полированные крылья послѣдней не носили еще на себѣ ни одного пятнышка грязи.

Вскорѣ на крыльцо вышелъ самъ Сергѣй Сергѣевичъ. Боже, что только это за прелесть!... Но нѣтъ! Описать его костюмъ и всю вообще до нелѣпя изящную фигуру не сможетъ никакое перо! Тутъ прямо нужна кисть живописца!...

Взгляните, сколько довольства, сколько наслажденія написано на этой выхоленной, гладко выбритой мясистой физіономіи!... Сочныя губы, слегка посасывающія тонкую, душистую сигару, заранѣе уже плотоядно чмокаютъ, въ предвкушеніи предстоящихъ восторговъ отъ „сорока визитовъ, сорока поцѣлуевъ!"

— Здравствуйте, Иванъ!—ласково кивнулъ головой Сергѣй Сергѣевичъ своему будущему путеводителю въ области грязныхъ улицъ съ огромными вывѣсками и среди запутанной сѣти предстоящихъ визитовъ.

Иванъ, почтительно христосуясь, подобострастно привѣтствовалъ барина.

Сергѣй Сергѣевичъ удобно помѣстился въ слегка покачивающейся пролеткѣ и довольнымъ отъ полноты чувствъ голосомъ торжественно произнесъ обычное „трогай!"...

Но Иванъ не „трогалъ" и какъ будто чего то выжидалъ.

— Ну, что же ты? Ступай, говорю!—уже съ оттѣнкомъ нѣкотораго неудовольствія проговорилъ Палочкинъ.

— А „памятку", баринъ!—нерѣшительно спросилъ, наконецъ, извощикъ.

— Нѣтъ! Нынче безъ „памятки"!—какъ то глухо проговорилъ визитеръ, и густая краска стыда мгновенно залила его полныя щеки...

Это обстоятельство требуетъ разъясненій. Составленіе „памятки" или списка тѣхъ домовъ, гдѣ надлежало поздравить съ праздникомъ, вызвано было слѣдующимъ курьезнымъ случаемъ. Визитируя въ третьемъ году, Сергѣй Сергѣевичъ до такой степени выпилъ какъ то неосторожно, что закружился совершенно и въ одинъ и тотъ же день явился вторично съ визитомъ въ одно изъ довольно приличное семейство. Разумѣется, сконфузился тогда очень прилично, нарядно. Вотъ, на слѣдующій годъ баринъ и вручилъ своему неизмѣнному Ивану списокъ лицъ, въ которымъ тотъ, повидимому, благополучно возилъ его въ теченіе цѣлаго дня. Но къ вечеру опять водка на столько сильно подѣйствовала на него, что въ одномъ домѣ, на вопросъ хорошенькой, молоденькой хозяйки: „вы теперь куда будете путь держать, Сергѣй Сергѣевичъ?"—послѣдній не сообразивши, простодушно объяснилъ, что „его путь у извозчика въ рукахъ!"... Пришлось сконфузиться и на этотъ разъ...

Итакъ нынче поѣхали безъ „памятки"...

Торжественно-почтительно поздравлять *начальниковъ*... Съ опущеніемъ особенной пріятности проглочена первая—сладкаго коньячку у *помощника*... По лимерамъ прошлись по пріятельски у бухгалтера... У *общаго задушевнаго друга кассира* выпили по одной полынной, закусили фазаномъ, повторили по полынной и съ омарами прокатились по легонькому на счетъ рабиноночки...

Потомъ помнится маленькій, маленькій сдобный, такія вкусныя булочки, и еще того менѣе такія хорошенькія ручки, которыя Сергѣй Сергѣевичъ очень долго цѣловалъ... А густой кофе съ жирными, пережирными сливками, и сладкій такой... бррр!.. до приторности, густой массой вливается въ ротъ... такъ, что даже тошнитъ...

Дѣтей много было возлѣ одного пасхальнаго стола, и домовитая хозяйка, держа на одной рукѣ ребенка, тогда какъ двое другихъ подростковъ хватали ее за другую руку, силялась этой послѣдней отрѣзать большой ломоть окорока, приговаривая „кушайте, кушайте, Сергѣй Сергѣевичъ! Сама, ѣдь, запекала!..."

И Сергѣй Сергѣевичъ кушалъ... А потомъ опять, подъ звонъ колоколовъ, при полномъ опьяненіи, такъ цѣлый день изъ дома въ домъ... Всюду весело... Вездѣ смѣхъ, поцѣлуи, радостныя лица!... Никто ни на кого не злобствуетъ,—всѣ простили *все* другъ другу, всѣ другъ друга обнимаютъ!.. Вотъ она, жизнь, намъ „возсіяющая"!...

Потомъ что еще?... Потомъ... ну, конечно, потомъ *второй* день праздника... Опять извозчикъ Иванъ подаетъ къ крыльцу квартиры чистенькую щегольскую коляскочку. Опять легкое покачиваніе и отъ рессоръ, и отъ... водки!... Но только день *сегодня* уже какой то очень пасмурный... Просто на улицахъ сдѣлалось совсѣмъ темно... Вотъ и звона колоколовъ почему то не слышно... Да и нарядныхъ пѣшеходовъ уже не видать... Сергѣй Сергѣевичъ едва успѣлъ сдѣлать два-три *первыхъ* визита, какъ остолбенѣлъ отъ изумленія и ровно ничего не понималъ...

Въ первомъ домѣ—это были домъ вѣчнаго пасхальнаго стола и безъ пасхи была вѣчная пасха: веселье, всегда народъ, словомъ, жизнь вполнѣ безхлопотная... Теперь Палочкинъ этого дома не узналъ. Подложилъ, все было по праздничному, т. е. во всѣхъ комнатахъ нарядно, чисто, но вмѣсто пасхальнаго стола съ украшеніями, водками и закусками, Сергѣй Сергѣевичъ увидѣлъ увидѣлъ пустой столъ, хотя и застланный чистою бѣлою скатертью. Вся семья была въ сборѣ. Всѣ сидѣли въ большой комнатѣ и хотя и были, повидимому, довольны, но какъ то утомленно молчали.

— Да что съ вами? Что за монастырь!—почти внѣ себя вскричалъ Сергѣй Сергѣевичъ, съ большимъ трудомъ выговоривъ первоначальное привѣтствіе съ праздникомъ. Ему снисходительно улыбнулись и шумливо проговорили:

— Что вы, Сергѣй Сергѣевичъ! Какое же теперь веселье! ужь поздно! Такое время!...

Палочкинъ отправился дальше. Онъ побѣжалъ къ извѣстному хлѣбосолу Дубинушкину. Но и тутъ вмѣсто Сергѣя Сергѣевича не было предѣловъ. Раньше, бывало, Егоръ Павловичъ постоянно въ эти праздничные дни суетился около огромнаго стола, уставленнаго всевозможными яствами и въ особенности питьями, и радушно угощалъ своихъ многочисленныхъ визитеровъ, поминутно повторяя: „милости прошу! Выпить, господа! Выпить!" на что самъ онъ, надо признаться, былъ великій мастеръ. А теперь онъ увидъ и безвучно ходилъ по комнатѣ въ домашнемъ костюмѣ, и какая то не то тоска, не то насильственное смиреніе, или страхъ передъ чѣмъ то окрасили его благообразное лицо. Лицо изрѣдка вырывающаяся тяжелая икота выдавала неудобное состояніе бѣдняги.

— Христосъ Воскресе, Егоръ Павловичъ! Ты что это голову-то повѣсилъ? Веселѣй надо быть!"—уже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ восклицалъ входившій гость.

— Что ты, братъ ты мой! До веселья-ли теперь! Этакое время настало!—уныло и испуганно проговорилъ „хозяинъ".

Въ глубокомъ раздумьи вышелъ на крыль-

— Ну, хорошо. Отлично, что я васъ засталъ. Вы, должно быть, тоже собрались къ обѣдамъ. Но еще рано и размѣтку мы успѣемъ сдѣлать сейчасъ, а то потомъ мнѣ некогда. Сядитесь и пишите, что я вамъ буду диктовать. Иванъ, принеси сюда вѣдомость.

Перуновъ при этихъ словахъ сѣлъ около стола, за которымъ сновалъ все еще трепетавшій Жвачкинъ и досталъ изъ кармана зундара аккуратно сложенный листикъ бумажки.

— Садитесь и пишите, повторялъ онъ, когда вѣдомость была принесена.

Жвачкинъ дрожащими руками взялъ перо.

— Ну, чтобы васъ успокоить—съ васъ и начнемъ. Найдите въ вѣдомости вашу фамилію, проговорилъ съ какою-то особенною улыбкою Перуновъ, пробѣгая въ то-же время глазами свой листокъ. Какъ вы говорите... Жвачкинъ, ахъ да Жвачкинъ, съ что-то мало. Мало должно быть получаете... Ну, хорошо пишите: Жвачкинъ.... сто!

— Что ваше ррр....

— Сто!

— Кому, что ваше вв....

— Сто! говоритъ вамъ. Жвачкинъ сто! еще разъ уже внушительно и строго прибавилъ Тучегонитель.

Жвачкинъ, подъ вліяніемъ этого тона, мгновенно опомнился и началъ выводить диктуемыя цифры. Черезъ четверть часа работа была окончена и Перуновъ, спрятавъ листки бумажки въ карманъ, всталъ съ своего стула.

— Ну, нелаю встрѣтить праздникъ гостюдомъ Запиваловъ.... фу, вотъ дурацкая фамилія, такъ сама и лѣзетъ на языкъ.... г. Жвачкинъ. А что этотъ Запиваловъ говѣетъ, спросилъ онъ, обращаясь не то къ Жвачкину, не то къ сторожамъ.

— Говѣютъ, ваше превосходительство! дружно отвѣтили оба сторожа, съ улыбкой переглянувшись между собой.

— Ну хорошо! до свиданія г. Зап.... г. Жвачкинъ. Пора и къ обѣдамъ!

И съ этими словами Перуновъ, снисходительно улыбаясь, протянулъ руку черезъ столъ по направленію къ Жвачкину. Этотъ странный жестъ олимпійца заставлялъ Жвачкина немѣдленно почтительно поклониться назадъ. Но рука Перунова тянулась все ближе и настойчивѣе къ рукѣ Жвачкина и, наконецъ, встрѣтивъ ее, коснулась ея. Жвачкинъ тутъ догадался и тихонько и осторожно пожалъ ее....

Когда Жвачкинъ опомнился, Перунова уже въ комнатѣ не было, и шаги его слышались во второмъ отдѣленіи. Но ему все казалось, что онъ держитъ еще въ своихъ пальцахъ чью-то руку. Ощущеніе было настолько живое, что онъ невольно потеръ свои пальцы, какъ-бы желая удостовѣриться, принадлежатъ ли они его собственной рукѣ. Потомъ онъ лѣвой рукою пожалъ свою правую, точно такъ, какъ это сдѣлалъ Перуновъ, пожалъ разъ другой, и вдругъ захохоталъ.

— Вотъ такъ штука капитана Кука! вырвалось, наконецъ, изъ его устъ. И онъ, продолжая хохотать, все тряслъ лѣвой рукою правую, сжимая пальцы, какъ будто онъ ихъ обжигалъ въ дверью.

Съ ближней колокольни раздался вдругъ благовѣстъ колокола, призывавшаго вѣрующихъ въ храмъ, и Жвачкинъ пришелъ въ себя окончательно. Набросивъ поскорѣе на плечи пальто, онъ вышелъ изъ управленія и стремительно зашагалъ по направленію къ собору, куда за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ отправился и Перуновъ. Перуновъ другой церкви не посѣщалъ; Жвачкинъ это зналъ отлично и потому, изъ боязни попасться лишній разъ на глаза грозному начальству, до сихъ поръ рѣдко заходилъ въ соборъ, предпочитая свою бѣдную приходскую церковь.

Но на этотъ разъ онъ почему-то отправился въ соборъ. Какая сила влекла его туда, онъ этого и самъ не съумѣлъ бы объяснить себѣ. Въ умѣ его мерещилась одна лишь послѣдняя сцена съ Перуновымъ, которая произвела на него такое потрясающее впечатлѣніе; въ глазахъ его все еще рисовалась величественная фигура Тучегонителя съ благосклонной улыбкою на устахъ и взглядомъ такимъ ласковымъ, какого никто изъ сверстниковъ до сихъ поръ не видѣлъ у грознаго начальника; въ ушахъ его все еще звучали впервые услышанныя сладкія слова. И онъ шелъ, не видя и не слыша ничего другого, и только повторялъ про себя: „до свиданія г. Жвачкинъ, желаю встрѣтить вамъ праздникъ!" ха-ха-ха! до свиданія г. Жвачкинъ! ха-ха-хо „Жвачкинъ сто"!

— Стой ты, лѣшій! Экій, право, окаянный чуть всѣ яйца не разбилъ—вдругъ заорала на него какая-то бабенка, у которой онъ, стремительно шагая, дѣйствительно, чуть не вышибъ корзинку съ яйцами. Она еще что-то закричала вслѣдъ ему, но Жвачкинъ даже не оглянулся.

Онъ, наконецъ, въ соборѣ. Обѣдня еще не начиналась, но народу уже собралось много. Жвачкинъ, тяжело дыша, сталъ сперва у самаго входа и попробовалъ молиться, но, странно,—слова обычныя, хорошо извѣстныя ему, молитвы вылетѣли у него изъ памяти и онъ началъ молиться совсѣмъ по другому, какъ до сихъ поръ еще не молился ни разу.

— Господи, за что Ты такъ отличилъ меня? Господи, за что Ты выбралъ меня, самаго ничтожнаго изъ всѣхъ?.... Онъ мнѣ подалъ руку.... Жвачкинъ сто—вдругъ сказа раздалось у него въ ушахъ и глаза его невольно отвернулись отъ образа и обратились въ сторону, гдѣ долженъ былъ стоять Перуновъ, но пустная стѣна молящихся не позволила ему увидѣть его.

Онъ снова началъ припоминать всю сцену, стараясь возстановить малѣйшія детали ея, и до того увлекся въ своихъ воспоминаніяхъ, что снова началъ пожимать свою лѣвую руку, приговаривая при этомъ голосомъ Перунова „до свиданія, г. Жвачкинъ!" такъ кромѣ, что нѣкоторые изъ молящихъ оборачивались и стали съ улыбкою смотрѣть на него.

— Ты что это, капитанъ Кукъ, видно совсѣмъ сдурѣлъ! долетѣлъ до него чей то баснистый шепотъ.

Жвачкинъ моментально опохватился. Густая краска стыда залила его лицо. Недалеко отъ него стоялъ Мартыновъ и съ широкой улыбкой смотрѣлъ на него. Мартыновъ подошелъ ближе.

— Съ кѣмъ это, ты, капитанъ Кукъ, прощаешься? Ахъ ты, старая крыса, вотъ ты какова! Даже въ церкви припоминаешь свиданіе съ какой то бабенкою. Скажу твоей женѣ, она покажетъ тебѣ „до свиданія!"

Отъ этихъ словъ Жвачкину стало такъ невыносимо стыдно и неловко, что онъ не могъ даже вымолвить что либо въ свое извиненіе и только высморкался. Потомъ, позабывъ даже перекреститься, онъ поспѣшно вышелъ изъ церкви.

Куда идти? Онъ посмотрѣлъ на видѣнѣшуюся вдали крышу управленія, но его туда не потянуло. Домой! скорѣе домой, къ Грунѣ, къ Машѣ! Вотъ-то будетъ радость и удивленіе! При этой мысли онъ зашагалъ вдвое быстрѣе, но какъ онъ ни ускорялъ шаги, квартала все-таки, казалось безконечными, а ихъ предстояло пройти не мало, такъ какъ двадцать рублей жалованья позволяли ему жить лишь на самой окраинѣ города.

— Извощикъ! крикнулъ онъ, наконецъ, дойдя до ближайшей биржи: всю дорогу онъ старался представить себѣ сцену предстоящаго свиданія съ женой и дочерью. Онъ видѣлъ ихъ въ воображеніи то смѣющимися, то плачущими отъ радости, слышалъ ихъ радостныя восклицанія, любовался ихъ удивленными лицами.

— Эхъ и дипломатъ же заведу я Машѣ и шляпу—всѣ подружки сгорятъ отъ зависти. А столъ какой великолѣпный, праздничный столъ, будетъ у меня—всѣмъ знакомымъ на диво! Обязательно надо будетъ купить бутылку коньяку! почему-то такъ заключилъ онъ свой размышленій. Нѣтъ! впрочемъ, не стоитъ! Явятся эти проклятые Запиваловъ и Гвоздикинъ и высосутъ тутъ же все до капли...

— Куда, баринъ, таперяча?—обратилъ его грубый голосъ извощика. Жвачкинъ оглянулся по сторонамъ и сейчасъ же соскочилъ съ экипажа прямо въ грязь. Онъ чуть чуть не пробѣжалъ мимо своей квартиры.

— Пріѣхали, пріѣхали, торопливо говорилъ онъ, отсчитывая извощику пятакаго изъ полтинника, ассигнованнаго ему на гулѣніе.

Онъ ворвался въ свой домикъ какъ вихрь. Жена его чистила картошку, а Маша что-то шила. Онъ бросился къ ними какъ былъ въ шапкѣ и галошахъ и началъ порывисто обнимать ихъ.

— Что, поди, красненькую получилъ вмѣсто пятитка! полюбопытствовала Аграфена Яковлевна съ силою отбиваясь отъ мужа!

— Сто, сто, сто! Грунечка моя! Сто! Вотъ тебѣ штука капитана Кука!

Аграфена Яковлевна взглянула на него такъ, какъ будто увидѣла передъ собою помѣшаннаго.

— Да брось ты своего Кука! закукалъ, говори толкомъ, нетерпѣливо оборвала она восклицанія мужа.

— Ей Богу, сто! Не вѣришь, я и самъ не повѣрилъ бы. А онъ нѣтъ, самъ, понимаешь—самъ велѣлъ записать себѣ сто... „Жвачкинъ сто!"

— Правда? какимъ то боязливымъ тономъ спросила его жена, какъ бы боясь ослышаться.

— Правда, ей Богу! правда! Хочешь все раскажу какъ было...

И онъ началъ разсказывать и повторялъ свой разсказъ десятки разъ. А онѣ обѣ, разрумяненныя, счастливыя любовались имъ, жадно ловя каждое слово и выдвигая все новые и новые вопросы. Одинъ только котъ Васька не слушалъ его, а видимо, былъ занятъ мыслью, на какую крышу лучше отправиться сейчасъ. Придя, наконецъ, къ опредѣленному рѣшенію, онъ соскочилъ съ печки, подошелъ къ двери и такъ жалобно замукалъ, что Маша поскорѣе выглянула по ногамъ.

Давно не было такихъ счастливыхъ минутъ въ убогой квартирѣ Жвачкиныхъ...

Этотъ счастливый день омрачился лишь нѣсколькими часами, проведенными Жвачкинымъ въ управленіи, куда онъ явился за полученіемъ наградныхъ. Онъ вошелъ въ свое отдѣленіе радостный и сіяющій, но улыбка сейчасъ же сбѣжала съ лица его, когда на встрѣчу ему раздался грубый и сиплый голосъ Запивалова.

— Доносомъ, подлецъ, взялъ.

Гвоздикинъ, Мартыновъ, Петровъ, Кедринъ окружили его.

— Вспрыски, братъ съ тебя. Вишь, какую уйму денегъ заграбасталъ, сто цѣлковыхъ—это, вѣдь, двѣсти пятьдесятъ бутылокъ, пятьсотъ полубутылокъ!...

Жвачкинъ снова началъ улыбаться.

по Сергѣй Сергѣевичъ и молча сѣлъ въ пролетку. «Какое такое время настало!»—разсуждалъ онъ и силился пристальнѣе вглядываться въ густѣющую все сильнѣе и сильнѣе на улицахъ тьму....

Въ третьемъ домѣ Палочкинъ также нашелъ полное запустѣніе. Но встрѣчи пѣсъ залѣ на столѣ стояло какое то подобіе закуски. Визитеръ подошелъ къ столу и, при полномъ отсутствіи хозяевъ, внимательно разсматривалъ сервировку. Оказалось, что на огромномъ столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжною скатерью, стояла всего только одинъ графинъ съ водкою и рядомъ съ нимъ огромное блюдо съ какою то замѣчательною серебристою икрою. Вотъ Палочкинъ привычною рукою наливаетъ рюмку водки и выпиваетъ; но съ закускою у него происходитъ нѣкоторого рода замѣшательство. Дѣло въ томъ, что солнышко невиловерно бьетъ въ окно своими яркими лучами, и такъ ослѣпительно отражается въ блюдѣ съ серебристой икрою, что глазамъ становится невыносимо больно. А Сергѣй Сергѣевичъ никакъ не можетъ захватить вилкою на хлѣбъ хотя немного этой оригинальной икры....

— Да что же это, наконецъ такое!—въ негодованіи вскрикиваетъ Палочкинъ и... просыпается....

Онъ въ своей квартирѣ. Передъ нимъ на письменномъ столѣ графинъ съ водкою и рядомъ лежащее туалетное зеркало, въ которомъ ослѣпительно ярко блеститъ заглянувшее въ окно солнышко. Полураздѣтый, онъ, съ недокурленною папироскою въ рукахъ, сидитъ въ креслѣ. Постель не смята. По всей комнатѣ разбросано забрызганное грязью платье, ботинки и галоши. Словомъ, всюду полный хаосъ. Голова тяжелая. Ноги негелки отъ неловкаго спанья въ сидячемъ положеніи.

Съ трудомъ припомнилъ Сергѣй Сергѣевичъ, что вчера, въ первый день праздника великаго, онъ такъ осклонился, что не помнилъ, какъ и домой явился. Сорокъ пятаковъ, сорокъ поцѣлуевъ, сорокъ рюмокъ водки и *сорокъ случаевъ стыда!*—едва выговаривали его запекшіяся съ похмѣлья губы...

Рельефнѣе всего встали почему то въ памяти два послѣдніе визита, сдѣланные, какъ оказалось, едва-ли не въ десятомъ часу вечера, когда добродушные хозяева собирались уже отправиться на покой....

— Такъ вотъ почему они и говорили, что „настало такое время!“ Значитъ, было поздно!—догадывался Сергѣй Сергѣевичъ.— „Этакое свинство! Третій годъ со скандаломъ!—съ ожесточеніемъ противъ себя воскликнулъ Палочкинъ, и стало ему стыдно и больно на душѣ...

А.

Пасхальная хроника.

— Ты, моя милая, дорогая, ты мое все!—говоритъ невѣстѣ своей женихъ, христосуясь съ ней на Пасхѣ.

— А когда я стану твоей женой, то чѣмъ же буду?

— Разумѣется, *половиной*....

* * *

— Иванъ Ивановичъ, милости просимъ! Самъ Богъ васъ принесъ,—говоритъ хозяинъ, заводитый игрокъ, визитеру на пасху, пріѣхавшему поздно....

— Христосъ воскресе! и съ визитомъ,—отвѣчаетъ нѣсколько заплетающимся языкомъ поздній визитеръ.

— Какіе, батюшка, визиты!. Теперь мы можемъ, по крайней мѣрѣ, составить виститъ съ *болваномъ*....

* * *

... Два визитера сидятъ въ одномъ домѣ. Хозяйка (хозяинъ тоже визитируетъ и потому отсутствуетъ) радушно угощаетъ ихъ.

— Откушайте еще....

— Пройдемся, однако, по рюмочкѣ,—говоритъ одинъ визитеръ другому.

— Нѣтъ, слуга покорный, я теперь и по напсей уже не пройду....

* * *

Во время визитовъ нѣкто изъ пріѣзжихъ встрѣчаетъ своего бывшаго сослуживца по одному банку въ Россіи, потерпѣвшему крахъ.

— Какъ я радъ васъ видѣть,—говоритъ тотъ,—Скажите, въ С. все по прежнему мошенничаютъ?

— О, нѣтъ! — отвѣчаетъ пріѣзжій.— Съ нашимъ отъѣздомъ изъ С. всѣ мошенники какъ-то перевелись, ничего не слышно....

* * *

— Хочу жениться, докторъ,—говоритъ одинъ почтенный вдовецъ купчина врачу, пріѣхавшему къ нему съ визитомъ.— И невѣста есть на примѣтѣ. Скажите, могу я надѣяться, что у меня будутъ дѣти?

— Вамъ сколько лѣтъ? — спрашиваетъ врачъ.

— Шестьдесятъ пять.—

— А невѣстѣ?

— Двадцать.

— И—да... я полагаю, что вы имѣете достаточно основаній опасаться, что у васъ будутъ дѣти.

* * *

— Что это у тебя, Агаша, опять новыя серьги? — сказала въ первый день Пасхи хозяйка своей смазливой горничной, увидя у нея въ ушахъ новыя золотыя сережки.

— И у васъ, барыня, тоже новыя....

— Мнѣ мужъ подарилъ.

— И мнѣ тоже, — отвѣчала бойко Агаша.

* * *

Штабсъ-капитанъ пріѣхалъ съ визитомъ къ одной знакомой—старой, но молодящейся дѣвѣ. Дѣва посадила его рядомъ съ собой и безпрестанно называла „капитаномъ“.

— Я не капитанъ, я только штабсъ-капитанъ, сударыня!

— Это все равно: вы давно заслуживаете быть капитаномъ.

Завязался разговоръ, въ которомъ штабсъ-капитанъ безпрестанно, въ свою очередь, называлъ дѣву „madame“.

— Я дѣвица, г. капитанъ,—поправляетъ она.

— Это все равно: вы давно заслуживаете быть дамой.

* * *

— Я теперь больше всего занимаюсь географіей, говоритъ одна барышня другой, встрѣтясь съ ней на Пасхѣ. Какой у меня учитель—прелесть!

— Да, и его знаю,—отвѣчаетъ другая: я съ нимъ всю географію прошла, но только нѣкоторыя границы должна была сама ему указать.

* * *

На Пасхѣ встрѣтились, дѣлая визиты, два пріятеля.

— Я женюсь скоро... ждалъ только окончанія поста,—сказалъ одинъ.

— Это твое дѣло,—отвѣчалъ другой.

— А ты?

— Я не намѣренъ никогда жениться.

— Почему?

— Я религіозенъ,—а въ раю нѣтъ супружествъ...

— А почему тамъ нѣтъ супружествъ,—рѣшилъ-ка эту задачу? смѣясь, задалъ вопросъ первый.

— А потому, что—въ супружествѣ нѣтъ рая..

* * *

Одной барышнѣ въ первый день Пасхи исполнилось ровно 16 лѣтъ.

— Ты уже теперь невѣста,—сказала ей мать, христосуясь съ ней,—что же пожелать тебѣ?—

— Ахъ, мама, пожелай мнѣ молодого красиваго офицера въ женихи, а богатаго купца старика въ мужья...

* * *

Поэтъ пріѣхалъ съ визитомъ къ редактору. Онъ завозновенъ, обиженъ. Изъ двухъ тотъ строкъ его стиховъ редакторъ напечаталъ въ нахальномъ номерѣ только двадцать. Редакторъ старается его успокоить.

— Да, да... извините, пожалуйста, тутъ вышло маленькое недоразумѣніе, я глазнымъ образомъ—мое невниманіе...

— Какъ, невниманіе?

— Надо было и эти строчки вычеркнуть.

* * *

— Христосъ воскресе! Знаешь—другъ жизни, вѣдь, я женюсь на красной горкѣ?

— Ну, полно, не позвуйся такъ: можетъ быть, и безъ этого обойдется"...

Пчелка.

Страничка изъ жизни одного.

(Изъ пасхальныхъ разсказовъ)

...Стоялъ уже конецъ марта; но въ томъ суровомъ непривѣтномъ краю, гдѣ онъ находился, ничто еще не напоминало весны... На дворѣ бушевала пурга.... Завываніе вѣтра доносилось къ нему, и еще мучительнѣе снималось его сердце....

...Грезы, одна другой мрачнѣе и безотраднѣе, наполняли его и, словно преслѣдуя, не давали ему минуты покоя....

...Мало было радостнаго и въ прошломъ,—по настоящее и будущее представляюсь какимъ-то зловѣщимъ кошмаромъ, неотразимымъ и непобѣдимымъ ничѣмъ....

— Къ чему жить и стоитъ-ли жить?—часто зарождался у него этотъ вопросъ.

...Мысль начинала работать въ этомъ направленіи и приходила къ печальному роковому выводу: „да, жить не стоитъ!“

— Разбитыя почти на утрѣ жизни надежды, неосуществившіяся сны, и впереди—долгіе годы одиночества, тоски, отчаянія, при полномъ бездѣйствіи, при неможномости даже что-либо дѣлать, къ чему лежитъ сердце, къ чему направлены думы, стремленія, помыслы....

Онъ началъ припоминать свое дѣтство, юность, недолгую молодость....

Картины, то въ туманныхъ, то въ болѣе яркихъ образахъ, проносились передъ нимъ....

Рано онъ остался сиротой. Умеръ его отецъ—бѣдняжъ чиновникъ, когда онъ еще былъ очень маленькимъ,—онъ едва помнитъ отца; такъ только—смутно, вдали, въ неясныхъ очертаніяхъ рисуется передъ нимъ его лицо.... За отцемъ вскорѣ послѣдовала мать, сломленная нуждой, горемъ и непосильными трудами....

Мальчикъ очутился у какой-то дальней родственницы старухи, которую при жизни матери совершенно и не зналъ....

Приходилась она какой-то троюродной сестрой его бабушкѣ по отцу. Жила она въ томъ-же городѣ, гдѣ и его родители жили, но почему-то знакомства съ ними не водила.... Между тѣмъ и его родителями существовала какая-то давняя вражда....

Тѣмъ не менѣе, когда мальчикъ остался одинокимъ, на помощь къ нему явилась эта старуха, и мальчикъ нашелъ у нея пріютъ....

Старуха была не злая, но вела замкнутый образъ жизни и казалась—вѣчно угрюмой, вѣчно чѣмъ-то недовольной....

Мальчика она даже какъ будто любила, —охотно все дѣлала для него (у нея была своей небольшой домикъ и кое-какія деньжонки), но ласки отъ нея онъ не видѣлъ.... Да и врядъ-ли старуха могла проявлять къ кому-либо ласку....

Когда ему пошелъ девятый годъ, она вояла для него учителя, и черезъ два года онъ уже былъ настолько подготовленъ, что былъ принятъ во второй классъ мѣстной гимназіи....

...Начались годы ученій.... Прошли они быстро и легко для него,—онъ обладалъ хорошими способностями и шелъ одинъ изъ первыхъ учениковъ....

Но обстановка жизни старухи наложила на него печать замкнутости, нелюдимости. Въ гимназіи онъ старался держаться подалѣ отъ всѣхъ, и былъ, поэтому, мало любимъ товарищами.... Его обзывали „гордеемъ“, „недоторой“ и другими, еще менѣе лестными на гимназическомъ жаргонѣ, эпитетами.... И тоже сторонились и не охотно вступали въ компанію....

А между тѣмъ—въ дѣйствительности—онъ былъ далеко не тотъ, какимъ его считало большинство товарищей по ученію....

Это—была страстная, горячая натура, жаждавшая дружбы, привязанности, способная къ глубокому сильному чувству.... Только этой страсти, этому чувству не было выхода....

Онъ скрывалось подъ угрюмовой суровой внѣшностью, которая съ перваго взгляда не могла привлечь, а скорѣе отталкивала каждаго.... Самъ-же онъ перваго шага къ сближенію не дѣлалъ—изъ робости, присущей ему, и изъ боязни, чтобы не быть отвергнутымъ и не показаться смѣшнымъ....

...А онъ, въ тому-же, былъ и самолюбивъ....

Но—гимназическій курсъ пройденъ,—у него въ рукахъ аттестатъ зрѣлости.... Передъ нимъ открыты двери университета.... А тамъ—научное или служебное поприще.... можетъ быть, слава, общій почетъ, уваженіе....

Благодѣтельница старуха ни въ чемъ не стѣсняла, не ограничивала желаній своего питомца и, когда онъ объявилъ ей, что намѣренъ продолжать ученіе и поступить въ университетъ (надо было для этого ѣхать въ другой городъ),—безъ словъ дала ему денегъ на дорогу и обѣщала высылатьежемѣсячно на содержаніе по 30 р. Сумма небольшая, но многіе-ли изъ студентовъ могутъ располагать и ей?...

Онъ, послѣдовательно, былъ обезпеченъ и могъ учиться.... И онъ съ жаромъ принялся за ученіе....

Вотъ онъ уже на 3-мъ курсѣ,—пройдетъ еще два года съ небольшимъ,—онъ избралъ медицину,—и онъ будетъ врачемъ....

Но тутъ онъ встрѣтился съ *нею*.

Встрѣча эта была случайная. Какъ-то вечеромъ онъ возвращался откуда-то домой. На улицахъ уже было мало прохожихъ и ѣдущихъ. Вдругъ онъ услышалъ крикъ позади себя. Онъ обернулся и увидѣлъ вдали силуэты трехъ человѣкъ. Это, казалось, были двое мужчинъ и одна женщина.

Онъ направился въ ихъ сторону.

— Ради Бога, освободите меня отъ этихъ нахаловъ!—произнесла женщина, обращаясь къ нему.

Но нахалы, завидя его, поспѣшили и сами убраться по добру-по-здорову.

Оказалась обычная исторія: Дѣвушка была въ гостяхъ, засидѣлась и рискнула одна вернуться домой. Дорогой пристали къ ней какіе-то два ловеласа и одинъ изъ нихъ даже хотѣлъ ее обнять и поцѣловать. Дѣвушка вскрикнула—и въ лицѣ его подоспѣла къ ней помощь.

Разсказавъ все это и объясняясь, что она живетъ съ матерью, тоже вдовой чиновницей, получающей небольшую пенсію за службу мужа, и что она у матери единственная дочь,—она просила его проводить ее до дому.

Такъ они познакомились, и онъ сталъ бывать у нея....

Дѣвица, какъ ее звала мать, или Дарья Ивановна, какъ ее величали посторонніе, была дѣвушка 18 лѣтъ,—высокаго роста, стройная блондинка, съ выразительными голубыми глазами, роскошной косой чудными полными губами и красивыми и даже нѣсколько крупными формами бюста.

Жила она съ матерью очень бѣдно и, видимо, какъ матери ея хотѣлось скорѣе пристроить дочь, т. е. выдать замужъ, такъ и Дашѣ—пристроиться....

И онъ полюбилъ ее—страстно, горячо, со всѣмъ пыломъ юности и долго сдерживаемымъ, не находившихъ отзыва, чувствъ....

Любила-ли она его когда,—это и до сихъ поръ для него неразрѣшимый вопросъ; но она дѣлала видъ, что отвѣчаетъ на его жгучую страсть такой-же сильной страстью.

Когда онъ въ началѣ робѣлъ высказать ей, объяснить свои чувства,—она сама помогла,—старалась побѣдить его робость и чуть не открыто шла на встрѣчу его желаніямъ и ея глаза, все выраженіе лица говорило: „ты меня хочешь?—что-же! бери! и я хочу тебя!“

И онъ—побѣдилъ свою робость. Онъ признался въ своей любви.

— Ты мнѣ давно нравишься, даже съ перваго разу, какъ увидѣла тебя!—отвѣчала она прямо, не стѣсняясь, на его страстныя признанія.—Пойдемъ къ матери,—она благословитъ насъ!

Мать благословила, конечно,—и рѣшено было обвѣнчаться тотчасъ-же, не ожидая того времени, какъ онъ окончитъ курсъ.... Жить они будутъ вмѣстѣ.... Онъ получаетъ 30 рублей въ мѣсяцъ,—мать ея столько-же пенсіи; и какъ нибудь втроемъ проживутъ....

Онъ испросилъ разрѣшеніе университетскаго начальства, и бракъ состоялся....

Началась жизнь женатаго человѣка—юноши еще,—ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ.

Какъ онъ былъ счастливъ, хоть не долго,—тѣмъ не менѣе, это не долгое время прошло для него въ какомъ-то чудномъ угарѣ среди обаятельныхъ грезъ.... Это были дни чарующей весны, упоительные, полные нѣги и блаженства.... Дѣйствительность забывалась и любовь поглощала все.... Внѣ ея—не оставалось ничего....

...И ни одно облачко не заволакивало горизонтъ,—онъ былъ чистъ и ясенъ . . .

. . . . . .

Прошелъ мѣсяцъ. Въ жизни его случилось другое важное событіе. Старушка-родственница неожиданно скоропостижно умерла. Послѣ ея не оказалось никакого духовнаго завѣщанія. Явился на сцену какой-то наслѣдникъ, имѣющій ближайшія права къ ней, и получилъ все ея имущество. Онъ узналъ обо всемъ этомъ изъ письма, присланнаго ему однимъ бывшимъ товарищемъ по гимназіи.

Со смертью старушки-родственницы онъ лишился получаемаго отъ нея пособія.

Теперь надо было не только учиться, но и изыскивать средства для содержанія себя и жены....

Мать жены замѣтно перемѣнила съ нимъ обращеніе и начала намекать, что она его своею пенсіею содержать не можетъ. Онъ пробовалъ искать уроковъ,—уроки находились туго и попадались грошевые....

Оно и было такъ. Прежде—они жили хоть скудно, но кое-какъ концы сводились съ концами. Теперь же приходилось чуть не голодать.... Явилась масса мелкихъ долговъ.... Но, наконецъ, и въ долгъ нельзя было ничего достать,—никто не вѣрилъ....

. . . . . .

Онъ сталъ замѣчать, что и съ женой дѣлается что-то неладное. Какое-то словно враждебное, хотя и глухое, чувство пробивается у нея къ нему... это чувство идетъ какъ-будто откуда-то издали, но оно уже близко... оно растетъ и, можетъ быть, готово обратиться въ ненависть...

Приходя изъ университета съ лекцій, онъ часто не заставалъ жену дома. Она пропадала иногда гдѣ-то до поздней ночи и

— Я, чтожъ, господа, не прочь! Милости прочимъ, милости просимъ только уже на праздникахъ!

— Ты что же мнѣ мало выписалъ! На цѣлую четверть не хватаетъ. Изволь теперь очищаться отъ грѣховъ безъ очищенной! мрачно твердилъ ему Запивалонъ.

— А мнѣ почему такъ мало? въ свою очередь, тормошилъ его Гвоздикинъ. Смотри, какая кучка требовательныхъ рекринтовъ. Вотъ читай № 1: „М. Г. прошу уплатить вашъ толкъ въ десять бутылокъ пива и т. д.“ Положимъ, толку то у меня хватитъ и на двадцать бутылокъ. Но, все-таки,—понимаешь, изъ за этого толку могутъ въ другой разъ вытолкать въ шею! Дальше—№ 2: „М. Г. Не хорошо обѣ маниваетъ бѣдную девушку“. Пусть же стены и жалобы всѣхъ этихъ несчастныхъ упадутъ на твою голову подобно сильной длани жены, разящей лѣнивую свору мужа и подавая ты первой рюмкой водки!

Другіе не приставали къ нему. Но ихъ злобные взгляды и таинственное шушукаиье лучше чѣмъ слова говорили о всеобщемъ враждебномъ настроеніи по отношенію къ нему. Какъ ни была обидна эта ни на чемъ не основанная вражда, однако она гораздо менѣе терзала его, чѣмъ тѣ оскорбительные эпитеты, которые слышались изъ всѣхъ угловъ по адресу Перунова. Жвачкинъ совершенно забылъ, что до сегодняшняго дня такая ругань доставляла ему всякій разъ большое удовольствіе, и что частенько и онъ самъ обязывалъ Тучегонителя еще болѣе мерзкими словами. Перуновъ чувствовалъ ему сегодня такимъ благороднымъ, такимъ великодушнымъ, такимъ кроткимъ, что всякое неприличное слово о немъ звучало въ ушахъ его какъ богохульство. И онъ съ радостью затянулъ бы себѣ и ушамъ обѣ, чтобы не слышать ничего этого, сами-бы только необходимости полученія денегъ не приковывала его къ мѣсту. Къ счастью, пытка скоро кончилась. Явился казначей, и началась выдача денегъ.

Нужно ли описывать, что испытывалъ и переживалъ Жвачкинъ, по полученіи ста рублей, т. е. такой крупной суммы, какая до сихъ поръ ему даже ни разу и не приснилась. Мечты его дальше сорока рублей никогда не простирались, а тутъ вдругъ сразу „Жвачкинъ сто“! Понятно, поэтому, что онъ шелъ домой на этотъ разъ съ не совсѣмъ обыкновеннымъ видомъ. Лицо его выражало что-то въ высшей степени блаженное и побѣдное, и эту власть—именно власть денегъ—онъ лучше чѣмъ кто либо сознавалъ въ себѣ. Чтобы испытать эту новую силу, онъ остановилъ на углу одной улицы мужика съ цѣлымъ возомъ колотыхъ поросятъ и вздумалъ торговать сразу цѣлыхъ три штуки. Онъ почерендно обнюхалъ ихъ и подъ животомъ и подъ хвостомъ, не теряя ни на минуту своего достоинства и въ концѣ концовъ, вынулъ изъ кармана радужную бумажку, огорошилъ мужика вопросомъ—нѣтъ ли у него сдачи со ста рублей. Владѣлецъ поросятъ просто обалдѣлъ.

— Откуда у насъ, ваше высокородіе, такіи деньги!

— Ахалъ! сказалъ Жвачкинъ,—а то купилъ бы—поросята славные. И онъ ласково дернулъ одного изъ мертвыхъ за хвостъ, пошелъ дальше своей дорогою, поминутно ощупывая правой рукой лѣвую сторону живота, т. е. то мѣсто или вѣрнѣе тотъ заѣтный карманъ, гдѣ хранилась радужная бумажка.

Нѣтъ, описывать дальнѣйшее лучше не будемъ, во-первыхъ потому, что и какъ то даже неприлично вмѣшиваться въ чужую семейную жизнь, а во-вторыхъ, какъ извѣстно, у насъ вовсе не принято заглядывать въ знакомые дома передъ самыми праздниками, т. е. въ самый разгаръ стряпни, суматохи и уборки. Наконецъ, въ третьихъ и послѣднихъ, мы могли бы тѣмъ разсердить Машу, а она такая славная, миленькая дѣвушка!

Пасхальная ночь! Ночь Сѣятелаго Христова Воскресенія! Какой прелести полна она для всякаго русскаго человѣка, когда онъ стоитъ передъ убраннымъ столомъ, заставленнымъ разными яствами и питіями и предвкушаетъ одно изъ величайшихъ удовольствій въ жизни человѣка. Стройными рядами стоятъ бутылки, по бокамъ, точно дѣвъ башни, высятся пышныя бабы, задумчиво почиваетъ поросенокъ, задравъ лапы кверху, и въ не совсѣмъ приличной позѣ лежатъ гусь и индѣйка, грузно развалился почтенный окорокъ, соблазнительно сверкаютъ рюмки. Глядитъ на все это хозяинъ дома и не можетъ удержаться отъ грѣшныхъ мыслей. Господи, скоро ли! думаетъ онъ и поминутно посматриваетъ на часы.

Но вотъ пора! Съ улицы доносится необычайное движеніе, гулъ сотни голосовъ, шаги тысячи людей, грохотъ безчисленныхъ экипажей. Сейчасъ, сейчасъ раздастся первый ударъ колокола, могучимъ глаголомъ разбудитъ ночную мглу и великою волною разнесетъ по всей Руси великую вѣсть. Пора!

Жвачкинъ давно уже въ церкви, но не въ своей приходской, а въ соборѣ. Никогда еще въ жизни онъ не былъ такъ торжественно и радостно настроенъ, какъ сегодня, а потому даже Аграфена Яковлевна не удивилась, когда онъ объявилъ ей, что пойдетъ въ соборъ. Его настроеніе требовало и соотвѣтствующаго богослуженія съ стройнымъ пѣніемъ, съ блескомъ безчисленныхъ огней, и въ нисходящемъ облаченіемъ священниковъ.

Народъ такъ и валилъ въ широко раскрытыя двери храма. Жвачкинъ въ началѣ сталъ, по обыкновенію, недалеко отъ входа, но постепенно подъ напоромъ толпы движенъ былъ двигаться все дальше и дальше впередъ. Въ кожну „Дѣвицѣ“ онъ стоялъ уже на такомъ мѣстѣ, гдѣ въ другое время ни на какія блага въ мірѣ не рѣшился бы стать. А именно онъ находился въ двухъ шагахъ отъ мѣста, предназначеннаго спеціально для начальства. Правда, изъ начальства никого еще небыло, но, въ виду предстоящаго сосѣдства, онъ сейчасъ уже ощущалъ нѣкоторую неловкость, которая, впрочемъ, ничего общаго со страхомъ не имѣла. Въ этомъ онъ убѣдился, когда явилась первая особа высшаго ранга съ супругой и дочерью. Жвачкинъ, при видѣ блестящаго мундира, вѣздалъ и крестовъ, принялъ только болѣе почтительную позу. Вслѣдъ за этой высокопоставленной особой начали появляться и другіе все такіе важные и блестящіе....

Передъ самымъ началомъ крестнаго хода прибылъ и Перуновъ. При появленіи его, Жвачкинъ почувствовалъ вдругъ, что онъ всталъ какъ будто со стула, хотя онъ и безъ того стоялъ уже, вытянувшись, какъ говорится, въ струнку. Ставъ впереди всѣхъ, Перуновъ быстрымъ взглядомъ окинулъ толпу, но Жвачкину показалось, что глаза начальника, опять такіе ласковые, хорошіе, на мгновеніе остановились на немъ, и онъ едва удержался, чтобы не отвѣсить глубокій поклонъ.

По окончаніи крестнаго хода, Жвачкинъ не мало удивился, когда увидѣлъ себя на прежнемъ мѣстѣ. Какъ это случилось и почему онъ не постарался стать гдѣ нибудь дальше? на этотъ вопросъ онъ не съумѣлъ бы отвѣтить. Но фактъ тотъ, что онъ опять очутился вблизи высшихъ особъ міра сего! Въ этомъ, конечно, прежде всего виновна судьба, которая, какъ будто, нарочно поставила рядомъ самаго маленькаго и самаго великаго.

Пѣніе „Христосъ Воскресе“. Чудные звуки, полные нѣжной радости, потрясли весь храмъ, но ликующая побѣдная пѣснь на этотъ разъ не отрзала Жвачкина отъ земли. Передъ нимъ стоялъ другой богъ, на котораго онъ всегда взиралъ съ трепетомъ и который давно уже занималъ всѣ мысли его. Онъ чувствовалъ теперь все обаяніе этого божества. Юпитеровскій видъ Перунова, его олимпійскій лишь, блещущій золотомъ и звѣздами мундиръ гипнотизировали Жвачкина и подъ вліяніемъ этого гипноза онъ уже не могъ оторвать глазъ отъ своего бога. Случайа шла все дальше дальше, а Жвачкинъ неподвижный, какъ истуканъ, все глядѣлъ и глядѣлъ. Онъ не прогонялъ ни одного движенія Перунова, не упустилъ изъ виду ни одного его взгляда. Ласковое лицо Тучегонителя напоминало Жвачкину то утро, когда Перуновъ былъ точно такой же ласковый и добрый, и сцена въ управленіи возстала въ его воображеніи съ живописностью иллюзіи. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній Жвачкинъ чувствовалъ, какъ какое-то новое чувство, полное благодарности и умиленія, заполняетъ все сердце его и неудержимо просится наружу, требуя излиянія. Если бы не присутствіе другихъ разныхъ начальниковъ, онъ бросился бы здѣсь въ церкви на колѣни передъ Перуновымъ и поцѣловалъ руку, которая однажды удостоила его теплымъ рукопожатіемъ.

Въ это время заутреня кончилась, и Жвачкинъ увидѣлъ, что Перуновъ, приложившись ко Кресту и похристосовавшись съ архіереемъ, началъ христосоваться съ близь стоящими особами. Глядя на эти братскіе поцѣлуи, Жвачкинъ чувствовалъ, что онъ какъ будто расплавляется въ умиленіи. Слезы заволокли глаза его. Потомъ онъ замѣтилъ, что Перуновъ, переставъ христосоваться, смотритъ на него такъ ласково, такъ кротко, такъ дружески,—и вдругъ какая-то непонятная сила толкнула его съ мѣста. Ничего не сознавая, чувствуя одну лишь настоятельную потребность излиянія овладѣвшаго имъ чувства, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и очутился на разстояніи одного аршина отъ Перунова. Онъ не знаетъ, что всѣ начальники и самъ Перуновъ съ недоумѣніемъ смотрѣли на него. Слезы окончательно заволокли его глаза, непріятно щеголяя въ носу и сжимали горло.

—Ваше превосходительство, началъ онъ совсѣмъ растроганнымъ голосомъ, но не могъ кончить, а онъ усиливающагося щекотанія въ носу только громко чихнулъ. Отъ такой неожиданности растерялся даже самъ полицеймейстеръ и машинально схватился за свистокъ. Сановныя особы довольно громко захохотали. Перуновъ глядѣлъ глазами полными недоумѣнія.

Жвачкинъ почувствовалъ, какъ холодный потъ мгновенно выступилъ на всемъ его тѣлѣ.

—Ева-ева-ше пррррр...пррр... бормоталъ онъ уже всхлипывая, и... я... воскресъ...

Перуновъ отвернулся.

— Почему вы пускаете пьяныхъ въ церковь, обратился онъ къ полицеймейстеру.

Жвачкина, совсѣмъ обезсилившаго подхватили чьи то услужливыя руки и онъ мгновенно очутился за дверью церкви, на свѣжемъ воздухѣ. Кругомъ раздавалось радостное Христосъ Воскресе и слышались братскіе поцѣлуи. Земля праздновала великій праздникъ воскресѣнія любви къ человѣку.

П. Ч.

возвращалась какой-то странной, неестественно возбужденной... Онъ спрашивалъ, гдѣ была,—она отвѣчала рѣзко, грубо: „извѣстно, не по улицамъ шлялась,—у знакомыхъ; дома что дѣлать,—черный то хлѣбъ ѣсть, что-ли? Покрайней-мѣрѣ, гдѣ была, тамъ накормяли!"

Потомъ, вдругъ, онъ замѣтилъ какъ-то у жены обновы—новую шляпку, шаль.

— Откуда это? —„Матери одна богатая родственница денегъ прислала,—ну, и купила. Не въ лохмотьяхъ-же дочери ходить, если мужъ у нея ничего не можетъ пріобрѣсти!"—оборвала она его. Онъ сознавалъ справедливость этихъ словъ—и молчалъ. Но надо было что-нибудь дѣлать. Познакомился онъ какъ-то съ однимъ купцомъ, ведущимъ крупныя торговыя дѣла; понравился онъ купцу и тотъ предложилъ ему:

— Бросьте-ка вы университетъ! поступайте ко мнѣ въ контору. Дамъ я вамъ 2000 руб. въ годъ содержанія и квартиру.

...Подумалъ онъ—и для Даши согласился!

...И вотъ, онъ въ новой квартирѣ,—мелкіе долги всѣ уплочены,—жизнь ихъ пока вполнѣ обезпечена...

Даша, повидимому, довольна,—но, это онъ чувствуетъ, не та уже—не прежняя Даша, глубоко любящая, страстно привязанная къ нему, страстно отвѣчающая на его ласки... Холодность какая-то разлита въ ней... Нѣтъ-нѣтъ,—да, вдругъ,—замѣчаетъ онъ,—она и взглянетъ на него враждебно, непріязненно... Взглядъ такъ и пробѣжитъ по немъ, какъ что-то страшное, что-то подавляющее...

...Жалованье купецъ далъ ему хорошее; но и не даромъ,—дѣла оказалось много, а главное—проходилось часто выѣзжать въ разные соседніе города по разнымъ торговымъ надобностямъ... Не легко ему было оставлять Дашу одну, разставаться съ ней,—но Даша не жаловалась на эти отлучки.—„Не на вѣкъ ѣдешь,—говорила она,—что за рѣдкость, что я пробуду недѣлю-другую безъ тебя, и съ тобой ничего отъ этого не сдѣлается!"...

. . . . . .

Обыкновенно, въ эти отлучки о своемъ возвращеніи домой онъ увѣдомлялъ жену телеграммами. Какъ-то случилось, что разъ онъ, торопясь на поѣздъ желѣзной дороги, позабылъ послать телеграмму. Вспомнилъ о томъ уже дорогой и рѣшилъ—не посылать телеграммы и со станцій. Неожиданно пріѣду—лучше, дескать;—обрадую, можетъ быть...

Пріѣхалъ онъ домой вечеромъ—часовъ въ семь. Оставивъ извощика съ вещами у подъѣзда, онъ поднялся въ третій этажъ, гдѣ была его квартира. При немъ былъ револьверъ и кинжалъ за поясомъ. Ихъ онъ постоянно бралъ съ собой въ дорогу.

Дверь его квартиры оказалась не запертой. Этому, впрочемъ, онъ не удивился—горничная по разсѣянности и прежде, случалось, забывала заперетъ ее. Онъ вошелъ въ прихожую, освѣщенную висячей лампой, и никого не встрѣтавъ—пошелъ дальше... Вотъ и спальня ихъ... Дверь прикрыта...

Онъ растворилъ ее—и замеръ...

Онъ увидѣлъ жену полуобнаженной, въ объятіяхъ какого-то незнакомаго ему мужчины...

Онъ не сознавалъ, что сдѣлалось съ нимъ. Что-то нахлынуло на него—ужасное, чудовищное!

Гнѣвъ, просто, злоба,—все откуда-то поднялось, охватило его,—наполнило всѣ его мысли, *всю его*...

Онъ выхватилъ кинжалъ и, какъ разъяренный звѣрь, давно голодавшій и почуявшій, наконецъ, добычу, бросился и началъ наносить удары...

Раздались мучительные вопли... кровь брызнула ему въ лицо... Онъ ничего не слышалъ, не видѣлъ, не понималъ,—онъ продолжалъ свою страшную расправу, пока на крики не прибѣжали какіе-то люди, не схватили его, и вытащили въ другую комнату...

. . . . . .

...Жена осталась жива,—но любовнику ея онъ нанесъ смертельныя раны, и тотъ на другой-же день послѣ событія умеръ...

...Его судили и, при смягчающихъ обстоятельствахъ, приговорили къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири...

...Онъ теперь поселенъ въ маленькомъ глухомъ и дальнемъ городишкѣ Иркутской губерніи.

...Для него все погибло,—жизнь надломлена и испорчена навсегда. Второй уже годъ, какъ онъ на поселеніи, и сколько еще безотрадныхъ такихъ же лѣтъ предстоитъ ему впереди... И ничего радостнаго въ будущемъ,—ни одной свѣтлой точки...

...А гдѣ его жена? Съ того ужаснаго момента онъ ея не видѣлъ. На судъ она не была вызвана по не разысканію ея.

...Онъ виновенъ былъ,—но сколько-же онъ и потерпѣлъ за свою вину... Ему еще только 27 лѣтъ, а онъ выглядитъ—почти старикомъ и нѣкогда темные кудрявые волосы его покрылись сплошной сѣдиной...

А жену онъ и теперь продолжаетъ такъ же безумно любить, какъ и любилъ...

...Хотя-бы разъ взглянуть на нее. Простила ли она ему,—но онъ ей все давно простилъ...

. . . . . .

—Стоитъ-ли жить?—опять повторилъ онъ прежній свой вопросъ и рука его потянулась за револьверомъ, лежащимъ около—на столѣ. Онъ взялъ его и началъ словно разсматривать.

—Одинъ мигъ,—одинъ нажимъ курка, и—все будетъ кончено. Чего-жъ медлить! Откуда эта боязнь, нерѣшительность?...Чѣмъ еще я могу дорожить въ жизни,—что я могу ждать отъ нея?... Кому я нуженъ теперь? Онъ приставалъ револьверъ къ правому виску, какъ будто стараясь пріучить тѣло къ холодной стали и, продержавъ такъ нѣсколько секундъ—опустилъ снова.

—Надо хоть записку, впрочемъ, оставить, что прошу, молъ, никого не винить въ моей смерти...

И онъ, началъ писать...

...Въ этотъ моментъ, прорываясь словно черезъ завываніи бурана, бушевавшаго съ простою силой, и покрывая ихъ, раздались звуки церковныхъ колоколовъ—радостные, торжественные...

—Господи! сейчасъ наступитъ великій праздникъ христіанства... день воскресенія Учителя истины... А я... хочу въ такой день разстаться съ жизнью... Но не все-ли равно,—сегодня или завтра?... Зачѣмъ откладывать!—и онъ сложилъ написанное и взялъ снова револьверъ...

Но... его хватилъ кто-то сзади за руку. Онъ оглянулся—и, о чудо! передъ нимъ стояла его жена, блѣдная, изможденная,—но такъ прежняя Даша, съ любовью и лаской во взорѣ...

—Прости,—сказала она съ рыданіемъ въ голосѣ, склоняя передъ нимъ колѣна,—не ты былъ виноватъ, а я... я была гадкая, недостойная тебя... Но я любила тебя и тогда, и люблю теперь, но уже болѣе прочной и осмысленной любовью... Я разыскала тебя и пріѣхала дѣлать съ тобой твою горькую долю... Прости—и забудь!—

—Даша!—кинулся онъ къ ней, и, покрывая поцѣлуями ея лицо, руки, задыхаясь, говорилъ: „Прости и меня... ты должна простить... Я тебѣ многимъ обязанъ. Ты сегодня мнѣ возвратила не только надежду на счастье, но—и жизнь! Ты—воскресила меня"...

. . . . . .

Всеволодъ Сибирскій.

Пасхальные обряды, обычаи и повѣрья.

„Праздниковъ праздникъ", день когда христіане вспоминаютъ „Воскресеніе изъ мертвыхъ Спасителя міра", освобожденіе Имъ человѣчества отъ власти грѣха, возрожденіе надежды на вѣчное спасеніе, на будущее вѣчное райское блаженство, потерянныя грѣхопаденіемъ перваго человѣка,—этотъ день не могъ не отразиться сильно и глубоко на жизни и обычаяхъ народовъ. По представленіямъ русскаго народа, пасхальная недѣля—время радости не только для живыхъ, но и для душъ умершихъ. Народъ вѣритъ, что, на всѣ дни Святой недѣли, „отень лжи и грѣха", сатана лишается всей своей власти надъ людьми, связанный онъ лежитъ въ аду, въ то время какъ Христосъ сходитъ на землю и невидимо присутствуетъ при торжествѣ вѣрующихъ въ Него; души грѣшниковъ, содержимыя до послѣдняго суда въ темныхъ и мрачныхъ мѣстахъ, на пасхальные дни выводятся изъ нихъ и испытываютъ временную радость. Радость и торжество живыхъ выражается въ христосованіи. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, вѣрующіе обмѣниваются великою вѣстью, напоминаніемъ другъ другу „Христосъ воскресъ", обнимаютъ другъ друга и цѣлуютъ, забывая всѣ взаимныя обиды, и мѣняются эмблемою, внѣшнимъ знакомъ надежды на будущее воскресеніе изъ мертвыхъ.

Обычай цѣловаться при поздравленіи съ днемъ с. Пасхи древній. О немъ упоминаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, архіепископъ Константинопольскій, жившій въ V вѣкѣ; въ одной изъ своихъ проповѣдей онъ говоритъ такъ: „Да памятуемъ тѣ священныя цѣлованія, которыя при благословѣнныхъ объятьяхъ даемъ другъ другу". Гораздо позднѣе, въ XVII вѣкѣ, кіевскій митрополитъ Петръ Могила защищалъ этотъ обычай отъ осужденія со стороны римскихъ католиковъ, причемъ писалъ такъ: „Потому совершается у насъ цѣлованіе въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, что оно есть знакъ мира и братства; а Господь Спаситель, воскресши изъ мертвыхъ, на первый разъ ничего другого не сказалъ ученикамъ своимъ, какъ только—*миръ вамъ*".

Обычай мѣняться крашеными яйцами восходитъ до глубочайшей древности. Яйцо, какъ результатъ жизни въ такой „мертвой", неподвижной формѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣщающій возстановленіе жизни себя новой жизни, есть, дѣйствительно, самая подходящая эмблема воскресенія: сегодня онъ мертвъ, но въ немъ таятся скрытыя жизненныя силы. Во времена темнаго язычества и всяческихъ предразсудковъ, яйцо почти у всѣхъ народовъ было какъ-бы изображеніемъ творящей силы природы, ими мѣнялись и они при различныхъ торжествахъ и употребляли при религіозныхъ обрядахъ; вся вселенная представлялась нѣкоторымъ изъ нихъ вышедшею изъ яйца. Христіанскія преданія говорятъ, что обычай христосоваться яйцами восходитъ и въ Церкви Спасителя къ первымъ вѣкамъ: есть, напримѣръ, легендарное сказаніе, что Марія Магдалина, явясь къ римскому императору Тиверію, прежде чѣмъ начать проповѣдь христіанства, поднесла ему яйцо, какъ эмблему, поясняющую ея ученіе. Древній обычай дарить, въ день Пасхи, красныя яйца всегда имѣлъ значеніе выраженія духовной радости по случаю обновленія человѣчества черезъ крестную смерть и воскресеніе Христово. Праздникъ Пасхи искони считался „праздникомъ мира и любви". Поэтому многіе благочестивые люди соблюдали древній обычай прощать въ этотъ день своихъ должниковъ. Во многихъ мѣстахъ благотворители и теперь посылаютъ на Пасху куличи, яйца и прочія принадлежности „розговѣнья" въ тюрьмы и ночлежные пріюты. В. старину этотъ обычай свято соблюдали наши благочестивые цари: они давали пасхальную пищу нищимъ, „колодникамъ" и плѣшникамъ. „Цари наши (говоритъ Карамзинъ) въ первый день Пасхи между заутреней и обѣдней ходили въ городскую темницу, и сказавъ преступникамъ „Христосъ воскресъ" и дѣя васъ", дарили каждаго изъ нихъ новою шубою. В. старину духовенство, знатные люди, купцы, торговые вносимы и вообще разныхъ чиновъ люди допускались лично приносить царю поздравленія съ Свѣтлымъ праздникомъ; многихъ царь одѣлялъ яйцами и допускалъ „къ рукѣ". По дворцовымъ счетамъ иногда раздавалось чуть не 40 тысячъ яицъ за время отъ Пасхи до Вознесенія. Съ своей стороны, поздравляющіе царя подносили ему свои дары, (преимущественно червонцы; но были также и соболи, разные товары, заморскія диковинки въ родѣ часовъ и т. п.)'.—Уцѣлѣлъ еще старинный обычай,—ходить христосоваться съ покойными родственниками, на могилахъ, и класть тамъ яйца со словами „Христосъ Воскресе". Русскіе цари прежняго времени исполняли этотъ обычай въ Московскомъ кремлевскомъ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ погребены русскіе великіе князья и цари. Многіе выпускали на Пасху птичекъ изъ клѣтокъ; для этого дѣвушки дѣлали особыя „складчины". Православные люди иконы наблюдали, чтобы до пасхальной заутрени погашены были всѣ огни, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ. Было повѣрье, что огонь, зажженный вновь въ день Пасхи, въ особенности отъ свѣчи, принесенной отъ заутрени, приноситъ счастье. Есть основаніе думать, что обычай этотъ служитъ какъ-бы воспоминаніемъ изнѣстнаго пасхальнаго чудеснаго исхожденія огня отъ гроба Господня въ Іерусалимѣ. Первому, полученному на Пасхѣ, священному яйцу народъ придаетъ особенное значеніе, называетъ его „наисвященнѣйшимъ" и сохраняетъ цѣлый годъ, до новаго христосованія. Вѣрятъ, напримѣръ, что если такое яйцо перекинуть черезъ загорѣвшійся овинъ или избу, то пожаръ потухнетъ. Мѣстами существуетъ также повѣрье, что съ этимъ яйцомъ въ первый день праздника, во время заутрени, можно отличить колдуна: онъ будетъ казаться стоящимъ спиною къ алтарю. Вѣра въ освобожденіе, въ пасхальные дни, душъ умершихъ, даже грѣшныхъ, этотъ темной, враждебной человѣчеству силы, поясняетъ обычай христоваться съ покойниками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего отечества понынѣ соблюдается обычай—въ первый или второй день Святой недѣли ходить на могилы родственниковъ и зарывать на этихъ могилахъ пасхальныя, освященныя яйца; умершимъ на святой недѣлѣ кладется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, яичко въ руку.

Всю Святую недѣлю, съ обѣдни до вечерень, раздается со всѣхъ колоколовъ торжественный звонъ; звонятъ, конечно, кто пожелаетъ. Но въ представленіяхъ народа торжествуютъ не только люди, а и природа вся принимаетъ участіе въ радости человѣчества. Не у одного русскаго народа, а напр., и у простолюдиновъ Ирландіи существуетъ убѣжденіе, что въ Свѣтлое Христово Воскресеніе *солнце играетъ* на небѣ при восходѣ. Взрослые мужчины поднимаются на колокольни, женщины и дѣти идутъ на пригорки или взѣзаютъ на крыши домовъ, чтобы видѣть этотъ торжественный и радостный восходъ солнца. Удрученный вѣчною нуждою и заботою о хлѣбѣ насущномъ, крестьянинъ ищетъ въ этомъ сочувствіи къ себѣ природы—предзнаменованіи будущаго. Если солнце появляется на чистомъ небѣ и *играетъ*, то пахарь ждетъ хорошаго лѣта, обильнаго урожая и счастливыхъ свадебъ. Не прочь онъ съ помощью обрядовъ привлечь къ себѣ счастье при столь удобномъ случаѣ. Старушки, при появленіи солнца въ Свѣтлый праздникъ, умываются не золота, серебра и съ краснаго яичка, въ надеждѣ разбогатѣть и помолодѣть; старики-же расчесываютъ свои посѣдѣлые волосы, причитая: „сколько на головѣ волосковъ, столько-бы было и внучатъ".

Было-бы излишне говорить здѣсь о пасхальныхъ кушаньяхъ, довольно вѣмъ изнѣстныхъ, стоящихъ въ связи съ пасхальнымъ агнцемъ и опрѣснокамъ еврейской пасхи. Но нужно-ли любопытную особенность обычая, распространенную, главнымъ образомъ, въ Бѣлоруссіи, а также въ Болгаріи,—зарывать въ пашню кости теленка, ягненка, поросенка или птицы, освященныхъ на Пасху, съ цѣлью предохранить засѣянный хлѣбъ отъ града.

Проспать заутреню въ Свѣтлый праздникъ считается дѣломъ совсѣмъ не хорошимъ. Провинившихся такимъ образомъ, по обычаю, въ понедѣльникъ или вторникъ Святой недѣли, обливаютъ холодной водой или кушаютъ; самое утро вторника въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носитъ поэтому названіе „купалница".

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НУЖНА

Помощница Начальницы Маріинскаго Пріюта

окончившая курсъ средне-учебнаго заведенія. За подробностями обращаться въ Губернаторскій домъ.

1.

Отъ Государственнаго Банка

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Окончаніе добровольнаго обмѣна на государственную 5% ренту облигацій 4% внутреннихъ займовъ 1-го (1887 г.). 2-го и 4-го (1891 г.) и 4% облигацій, выпущенныхъ въ кредитныхъ рубляхъ, б. Главнаго Общества Россійскихъ жел. дор. (Николаевской 1863 г.), Либаво-Роменской, Оренбургской, Ряжско-Моршанской, Тамбово-Козловской и Юго-Западныхъ ж. д.

На основаніи распоряженія Г. Министра Финансовъ, послѣдовавшаго во исполненіе Именныхъ ВЫСОЧАЙШИХЪ указовъ 24 марта 1895 г. и 3 мая 1896 г., Государственный Банкъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что вышеозначенный **послѣдній добровольный обмѣнъ** будетъ производиться на нижеслѣдующихъ основаніяхъ.

Заявленія принимаются **съ 16 марта по 15 Іюня** с. г. включительно во всѣхъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Казначействахъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ учрежденій Государственнаго Банка, причемъ **всѣ заявленія объ обмѣнѣ, сдѣланныя въ теченіе указаннаго выше трехмѣсячнаго срока, будутъ удовлетворены сполна.**

Къ обмѣну принимаются только 4% облигаціи, не вышедшія въ тиражъ погашенія до времени представленія ихъ къ обмѣну.

Рента выдается **рубль за рубль нарицательнаго капитала** обмѣниваемыхъ облигацій но при этомъ съ владѣльцевъ 4% облигацій вышеупомянованныхъ желѣзныхъ дорогъ будетъ удерживаемо по 50 коп. на каждые 100 руб. нарицательнаго капитала обмѣниваемыхъ облигацій.

Теченіе процентовъ по предназначенной для выдачи по обмѣну государственной 4% рентѣ начинается **съ 1 Марта сего 1898 г.**, такъ что первый купонъ при рентѣ будетъ на срокъ **1 Іюня 1898 г.**, соотвѣтственно сему вмѣстѣ съ 4% рентою владѣльцамъ обмѣниваемыхъ облигацій будутъ выданы и наросшіе по нимъ по 1 марта проценты, съ удержаніемъ изъ оныхъ при конверсіи желѣзнодорожныхъ облигацій вышеуказанной приплаты по 50 к. на 100 р. нарицательныхъ.

Заявленія къ обмѣну на 4% ренту 4% облигаціи должны имѣть всѣ купоны, срокъ коимъ наступаетъ послѣ 1 Марта 1898 года. Стоимость недостающихъ купоновъ при обмѣниваемыхъ 4% облигаціяхъ за вычетомъ 5% налога должна быть вносима владѣльцами облигацій наличными деньгами.

Заявленія объ обмѣнѣ могутъ быть подаваемы, какъ съ представленіемъ предназначенныхъ къ обмѣну облигацій, такъ равно и безъ представленія таковыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ долженъ быть внесенъ залогъ въ размѣрѣ 2 рублей за каждые 100 р. нарицательнаго капитала, съ обязательствомъ представить облигаціи не позже 15-го Іюня 1898 года, подъ опасеніемъ утраты залога.

Заявленія объ обмѣнѣ указанныхъ выше 4% облигацій, находящихся во вкладахъ на храненіе или въ залогѣ въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, могутъ быть сопровождаемы вкладными залоговыми росписками сихъ учрежденій и во всякомъ случаѣ должны заключать точное указаніе нумеровъ таковыхъ росписокъ. Замѣна сихъ росписокъ новыми будетъ производиться **безъ какихъ либо расходовъ** для владѣльца 4% облигацій.

Заявленія объ обмѣнѣ **именныхъ** облигацій 4% внутреннихъ займовъ, а равно таковыхъ же облигацій, заключающихся въ выданныхъ Государственною Коммисіею Погашенія Долговъ **удостовѣреніяхъ именной записи**, должны быть подаваемы отдѣльно отъ заявленій объ обмѣнѣ предъявительскихъ облигацій.

Обмѣнъ 4% облигацій производится **непосредственно на подлинную ренту** безъ выдачи временныхъ свидѣтельствъ. Расчетъ по заявленіямъ, поданнымъ съ представленіемъ облигацій, выданныхъ на предъявителя, для обмѣна на предъявительскія же ренты, производится въ **С.-Петербургской, Московской, Варшавской, Кіевской, Одесской, Рижской и Харьковской Конторахъ Банка**, по возможности, **въ тотъ-же день**, въ порядкѣ поступленія сихъ заявленій; при невозможности же произвести выдачу ренты и доплаты въ тотъ же день, вѣдѣствіе значительности представленной при одномъ заявленіи партіи или неимѣнія свидѣтельствъ ренты требуемыхъ достоинствъ, будутъ выдаваеты особыя именныя квитанціи, безъ права передачи. Въ прочихъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и Казначействахъ выдача ренты и доплаты будутъ производиться по полученіи ренты изъ С.-Петербургской Конторы, при пріемѣ же заявленій владѣльцамъ обмѣниваемыхъ облигацій будутъ выдаваемы именныя квитанціи безъ права передачи.

Подробности расчета по обмѣну каждаго рода 4% облигацій помѣщены въ приведенной ниже сего таблицѣ:

Наименованіе займовъ.	Срокъ купоновъ, кои должны быть при облигаціяхъ.	Время, за которое выплачиваются проценты.	Сумма выплачиваемыхъ процентовъ на 100 р. нарицательнаго.	Удержаніе.	Подлежитъ выдачѣ.
4% гос. з. 1 вып. 1887 г.	1 Апрѣля 1898 г.	Съ 1 окт. 1897 г. по 1 Марта 1898 г.	1 р. 58 1/4 к.	—	1 р. 58 1/4 к.
„ „ 2 „ 1891 г.	1 Іюня „	„ 1 Дек. „ 1 „ „	95 „	—	95 „
„ „ 3 „ „	15 Іюня „	„ 15 „ „ 1 „ „	79 „	—	79 „
„ „ 4 „ „	15 Іюля „	„ 15 янв. 1898 г., 1 „ „	47 1/2 „	—	47 1/2 „
4% обл. Николаевск. ж. д.	1 Іюля „	„ 1 „ „ 1 „ „	63 1/4 „	50 к.	13 1/4 „
„ „ Либаво-Ром. „	1 Іюля „	„ 1 „ „ 1 „ „			
„ „ Оренбургск. „	15 Марта „	„ 15 сен. 1897 г., 1 „ „	1 р. 74 „	50 „	1 р. 24 „
„ „ Ряжс.-Морш. „	5 Апрѣля „	„ 5 окт. „ 1 „ „	1 р. 53 „	50 „	1 „ 03 „
„ „ Тамб.-Козл. „	1 Апрѣля „	„ 1 янв. 1898 г., 1 „ „	63 1/4 „	50 „	13 1/4 „
„ „ Юго-Западн. „	1 Апрѣля „	„ 1 окт. 1897 г., 1 „ „	1 р. 58 1/4 „	50 „	1 р. 08 1/4 „

№ 607 Управляющій *Э Плеске.* (3).

„НИВА"

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ и подписчики „НИВЫ" получатъ въ **1898** г.:

52 №№ журнала „НИВА" (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 ТОМОВЪ полнаго собранія сочиненій И. С. ТУРГЕНЕВА, которое является **первымъ по полнотѣ содержанія**, такъ какъ въ него войдутъ „Стихотворенія" Тургенева, не помѣщенныя въ прежнихъ изданіяхъ, и будетъ отнеч. на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ еще **болѣе четко**, чѣмъ приложенія предыдущихъ лѣтъ.

12 КНИГЪ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ Приложеній" (романы, повѣсти, разсказы, популярно-науч. статьи и пр. современныхъ автор.).

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журн. „НИВА", С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

„Даетъ въ теченіе **одного 1898 года** своимъ подписчикамъ **БЕЗПЛАТНО**

Подписная цѣна „НИВЫ"

на годъ со всѣми приложеніями:

Безъ доставки въ СПБ. . .	5 р. 50 к.	Съ перес. во всѣ города и мѣстн. Россіи . . . 7 р.
Съ доставкою въ СПБ. . .	6 р. 50 к.	
Безъ дост. въ Москвѣ, у И. Печковской	6 р. 25 к.	

За границу . . . 10 р. Разсрочка платежа въ 2 и 3 срока.

Иллюстрирован. объявленіе высылается безплатно.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТУРГЕНЕВА

12 №№ „Парижскихъ Модъ" (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

12 №№ рукодѣльныхъ и домашнихъ работъ и выкроекъ въ натуральную величину (около 600 рисун. и чертеж.).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1898 г., печатн. красками.

2—5

Томскъ. Типографія Бѣляева. Дозволено цензурою 2-го апрѣля 1898 года. Редакторъ-Издатель Г. В. Прейсманъ.